

ЛитРес:

ЛАНА ЛАНИТОВА

КОЛЬЦОВ

ЧАСТЬ 2

18+

Лана ЛАНИТОВА
Кольцов. Часть 2

«Автор»

202

Ланитова Л.

Кольцов. Часть 2 / Л. Ланитова — «Автор», 202

События, описываемые в этом романе, произошли ровно сто лет тому назад. Бурные и ревущие двадцатые... 1924 год. По столице свободно разгуливают обнаженные люди. Скажете, что такого не могло быть. И ошибетесь. Это были члены так называемого общества «Долой стыд». Итак... Москва. НЭП. И очень откровенная история любви и страсти. Он - довольно успешный и популярный в московских богемных кругах врач, практикующий хирург и костоправ. Она - любящая и любимая красавица-жена. О них все говорят, как о счастливой и яркой паре. Их семья - образец социалистической ячейки общества тех лет. Подрастают двое сыновей. Но так ли все гладко в этой семье, как кажется на первый взгляд? Море соблазнов, эксперименты с чувственностью, острая как бритва ревность, измены, происходящие под крышей их совместной уютной квартиры и на глазах жены. Многоженство и групповой секс, которые супруг считает нормой. Боль и страдания. Ложь и предательство. Тайны прошлого. Обо всем этом вы узнаете, прочитав этот роман. Роман изобилует откровенными эротическими сценами и содержит ненормативную лексику. Категорически не рекомендуется юным читателям в возрасте до 18 лет.

© Ланитова Л., 202

© Автор, 202

Содержание

Вместо предисловия	7
* * *	8
Глава 1	9
Глава 2	27
Глава 3	47
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Лана Ланитова
Кольцов
Часть 2

Посвящается моему близкому другу КАНу

Вместо предисловия

Роман написан в эротическом жанре.

Действие романа происходит в России, в 20-е годы прошлого века. Это было время первых шагов советской республики. Мало кто знает, что это время охарактеризовалось бурным началом так называемой советской сексуальной революции.

1924 г. Москва. Удивительный период в истории нашей страны. НЭП в экономике, которая отложила свой неизгладимый отпечаток на всю общественную жизнь и культуру. НЭП позволила быстро восстановить народное хозяйство, разрушенное Первой мировой и Гражданской войнами. Это было непростое и интересное время. Оно охарактеризовалось своеобразным всплеском свободы, часть из которой захватила свободу нравов. Это было время больших экспериментов с познанием человеческой чувственности и сексуальности. Время вездесущего Эроса, время промискуитета, тройственных и более союзов. Время короткой легализации однополых браков. Это было время любви Лили Брик и Маяковского. Время "валькирии революции" Александры Коллонтай. Её статья под названием "Дорогу крылатому Эросу!" появилась весной 1923 года, и в массовом сознании была воспринята как призыв к свободной любви.

Позднее, спустя годы, руководители страны и лично Иосиф Сталин постарались уничтожить многие документальные, кино и фото свидетельства тех лет, посвященные этой теме. И лишь за рубежом, в частных архивах, сохранились единичные фотодокументы, отразившие тот период. Имеются также и воспоминания современников.

Это было время движения "Долой стыд". Совершенно голые люди на улицах СССР, мужчины и женщины, украшенные только лентами через плечо с лозунгом «Долой стыд!». «Мы, коммунары, не нуждаемся в одежде, прикрывающей красоту тела! Мы дети солнца и воздуха!»

В новом обществе традиционный институт семьи и брака неожиданно стал считаться буржуазным пережитком. На свет появились организации, ведущие пропаганду новаторских культурных ценностей и избавления от пережитков старого строя.

Это было время джаза, фокстрота, чарльстона и время очаровательных флэпперов.

Автор поместила своих героев в эту интересную эпоху и написала чувственный роман о любви, страсти и ревности. О вечном споре полов за право любить и быть любимыми.

О том, как это вышло, судить вам.

Роман изобилует откровенными эротическими сценами, сценами группового секса и содержит ненормативную лексику.

* * *

«Любовь – это жизнь, это главное. От нее разворачиваются и стихи, и дела, и всё прочее. Любовь это сердце всего. Если оно прекратит работу, всё остальное отмирает, делается лишним, ненужным».

Лиля Брик. Пристрастные рассказы.

«Я доверял бы ей безгранично, если бы она безгранично меня ревновала; и был бы безгранично ревнив, если бы она доверяла мне безгранично».

Моисей Сафир

«Ревность всегда смотрит в подзорную трубу, делающую маленькие предметы большими, карликов – гигантами, подозрения – истинами».

Мигель де Сервантес

«Ревность – признак любви».

Александр Дюма (отец)

«Когда, внемля здравому смыслу, мы умаляем, обуздываем, укрощаем нашу ревность, то вместе со всеми этими, удобными разуму действиями, отчего-то умаляется и сама виновница этого чувства – ЛЮБОВЬ».

(Неизвестный автор)

Глава 1

1924 год. Май. Москва

На следующее утро жар у Светланы¹ спал, но бледность еще не сходила с ее щек. От этого ее карие глаза казались еще больше и темнее.

– Тебя не тошнит, радость моя? – ласково спрашивал Андрей, теребя рукой ее пушистый затылок.

– Если ты намекаешь на беременность, то нет, – спокойно отвечала она. – Как раз сегодня утром я в этом убедилась.

– А... Так вот почему моя девочка бледна.

Он сел напротив и взял ее ладони в свои руки.

– Признавайся негодница, ты использовала те злосчастные лимоны? На той неделе ими явно пахло в нашей спальне, – он делал нарочито важное лицо, пытаясь дурашливо пожурить Светлану.

– Нет, – соврала она и отвела взгляд.

– А почему ты тогда не беременна уже несколько месяцев?

– Андрей, доктор сказал, что лучше сделать перерыв. Он рекомендовал мне съездить на курорт.

– Поедешь, обязательно поедешь. А что, у него есть веские основания? – Андрей нахмурился.

– Нет, я здорова. Он сказал, что просто не помешает принять курс женских ванн и грязей.

– А, ну это мы и без него сообразим. Вот съездим осенью в Париж, а потом, глядишь, и на воды я тебя вывезу. Я буду делать все, моя радость, чтобы ты у меня рожала почти каждый год, как Пушкинская Наташка своему любимому поэту. Ты же любишь у нас поэзию? Во-оо-от! Не станем нарушать традиции классиков! – Андрей бодрился, шутил и старался приподнять настроение у Светланы.

На ее лице даже появилось некое подобие улыбки. Появилось, но тут же растаяло.

– Осенью мне надо будет ехать в Коктебель за мальчиками, – с грустью сказала она. – Я уже безумно по ним скучаю.

– И я скучаю. Но им будет хорошо там до самых холодов. Так что мы успеем с тобой и в Париж скататься, и на курорт, и в Коктебель. Правда, моя киса?

Он вел себя ровно так, будто меж ними и не было никаких ссор. Он совсем не хотел, чтобы она вновь вернулась к разговору об его нечаянном адюльтере, о котором он и сам старался теперь забыть.

– Андрей, пока мальчики у родителей, я хотела бы немного поработать. Меня давно звали преподавать грамоту рабочим. В Москве есть несколько читален.

– Рабочим? Опять! Ты в своем уме? Мы уже ранее обсуждали это. И ты знаешь мое мнение на сей счет. Ты что, действительно хочешь, чтобы на тебя там пялились здоровые мужики?

– Ну, почему именно мужики? Можно преподавать и детишкам. Меня зовут еще и в интернат для сирот и бывших беспризорников. Стране нужны грамотные преподаватели.

– Какие беспризорники? Да, все они отпетые хулиганы и уличные воришки.

– Андрюша, не говори так. В первую очередь, они дети. Просто война и революция отняли у них родителей. И советская власть должна...

¹ Здесь и далее – все персонажи являются вымышленными, и любое совпадение с реально живущими или когда-либо жившими людьми случайно. Как и случаен выбор географических мест и их названий. Исключением являются лишь несколько реальных исторических личностей, имена которых автор старалась упоминать в максимально уважительной и корректной форме.

– Довольно, – прервал он жену. – Сейчас ты станешь читать мне лекцию о том, какими пряниками их кормит советская власть. Не трать свои силы и мое терпение на пустые разговоры. Я сочувствую беспризорникам и детям войны. Но мое сочувствие заканчивается ровно там, где речь идет о моей семье. Все, что касается моей семьи, находится лишь в моей компетенции. И ни в чьей более. Ты поняла?

Он подошел к ней ближе и взял ее за подбородок.

– Ты поняла?

– Поняла, – она отвернула лицо.

– Света, отдохни лучше это лето. Ближе к зиме вернутся мальчишки. Если тебе так скучно, то езжай к ним прямо сейчас. А перед Парижем вернешься домой.

– Хорошая мысль, – она с горечью усмехнулась и сделала надменное лицо. – Оставить тебя одного? Ты верно давно об этом мечтаешь.

– Света! Давай не будем вновь начинать этот никчемный разговор. Я же уже все объяснил.

В ответ она молчала. Ему показалось, что ровно с этих пор у его жены появилось немного иное выражение лица. Она стала задумчивей. Особенно тогда, когда оставалась одна, она все чаще смотрела в проем окна и о чем-то думала. В эти минуты она словно отсутствовала в комнате.

* * *

Прошла неделя.

– Завтра состоится очередное собрание общества «Долой стыд», – как бы, между прочим, читая газету, сообщил Андрей.

В ответ она напряглась и вновь посмотрела в окно.

– Светик, ау, ты слышишь меня?

– Слышу... Ты поедешь туда?

– Я обещал. Меня ждет Радек и другие активисты. Ты понимаешь, я уже записан в члены этого общества. Если я исчезну, меня могут не так понять. Начать искать, в конце концов. Туда, Света, входят весьма важные люди. Много товарищей из Коминтерна, наши партийцы. С ними лучше не ссориться.

Она встала и открыла шкаф с бельем. Руки машинально перебирали стопки с чистыми полотенцами. Казалось, что она пытается отвлечься какой-то рутинной работой.

– Свет! Отчего ты молчишь?

– У нас много белья грязного скопилось. Надо стирать... – рассеянно отвечала она.

– Я же с тобой не про белье разговариваю. Ты что, не слышишь меня?

– Я все слышу, Андрюша.

Она достала пушистое банное полотенце и простынь и положила их перед Андреем.

– Возьми. Тебе завтра это понадобится. А летние брюки и теннису я погладила и отнесла в твой кабинет.

– Свет, ну чего ты? – он подошел и обнял ее. – Хочешь, поехали вместе. Там много супружеских пар. Я ведь хотел все разведать и брать тебя с собой.

– Нет, Андрюша, я не поеду.

– Это почему?

– Я не смогу быть весь день на ярком солнце.

– Глупости какие! Вспомни Коктебель. Ты целыми днями была на жаре.

– А сейчас не хочу. То было море.

– Светуля, у нас с тобой будет море. Я каждый день мечтаю лишь об острове и море. Я уже тебе говорил, что присматриваюсь к местной публике. Я хочу набрать с собой хорошую команду единомышленников.

– Наверное, они легко найдутся среди московских кокоток, слоняющихся без дела по подмосковным пляжам. Думаю, ты наберешь среди них целую команду.

– Ты опять за свое? – он нахмурился. – Ты отлично знаешь, что ехать на острова я хочу с тобой и только с тобой. Но, там еще будут другие люди – мужчины и женщины. И поверь, вдали от цивилизации, от навязанной нам морали, ты и сама изменишься. И начнешь проще смотреть на отношения полов. Со временем там не должно быть никаких болезненных привязок. Там люди дышат свободно. Они свободны в проявлениях чувств и своих симпатий. Там будет иное общество.

– Даже так? Значит, любовь, долг, верность – это болезненные привязки?

– Любовь – нет. А долг и верность – от этих понятий за версту несет бабушкиным нафталином. Даже Коллонтай об этом говорит. Почитай ее статьи об эресе.

– Мне не интересны эти статьи.

– Я знал, что ты мещанка. Но, я постепенно буду менять твои взгляды. Мы входим в общество будущего, где патриархальная семья с ее закостенелыми устоями будет непременно разрушена. И на ее смену придут иные союзы. Союзы свободных и творческих людей. Среди богемы таких много. Ты знаешь их имена. Например, Лиля и Осип Брики и Володя Маяковский. Да, разве они одни?

– Я очень уважаю талант Маяковского, но его Лиля, если честно, меня несколько не интересует. Как не интересуют и их альковные тайны.

– Света! Ну, как ты устарела!

– Хорошо, любимый. Тогда ты не будешь против, если завтра я приведу в нашу семью еще одного мужчину, как твоя Лиля?

Он подошел к ней близко и посмотрел в глаза.

– Ты хочешь со мной поссориться?

– Почему? Ведь ты же имеешь широкие взгляды на взаимоотношения полов. И у нас же полное равенство.

– Я плохо тебя ебу? – он крепко сжал ее руку.

– Хорошо. Но я не имела возможности сравнить. Или же свобода нравов касается только мужчин?

– Если ты еще раз скажешь мне нечто подобное, я на самом деле поссорюсь с тобой. Ты – моя. И точка. И заруби себе это на своем длинном носу. На тебя эти законы не распространяются. Я – мужчина, и у меня иная физиология. Ты – женщина. И не морочь мне раньше времени голову. Я пока еще не все детально обдумал, относительно правил существования на наших островах. Хотя, там будет анархия, и полное отсутствие каких-либо правил. Для всех. Кроме тебя. Ты – исключение. Для тебя в моем кодексе будут написаны отдельные правила.

– Я и не сомневалась, что у меня – самый справедливый в мире муж.

– Ты будешь либо со мной, либо ни с кем. Вот – главное правило для тебя. И оно определено тем, что ты еще пока что моя жена. Я так хочу! И я так сказал! О любых изменениях я буду извещать тебя заранее.

– Андрей, там что, реально все ходят голые?

– Да.

– И ты разденешься донага?

– Да. Таковы правила. Это – культура здорового тела, понимаешь? Я уже тебе много рассказывал о натуразме. Слушай, я настаиваю, поехали вместе. А, Свет?

– Нет, Андрей. Я воздержусь.

– Как же ты тогда будешь жить со мной на острове? Ведь там не будет предметов. Не будет одежды и тряпок.

– Андрей, если честно, то мне сложно представить тот мир, о котором ты гредишь. Я не могу пока понять все твои замыслы и принять их. Я не представляю, как женщине можно

постоянно быть даже без панталон или трусиков. А как же быть с личной гигиеной? А обувь? Ты знаешь, какая у меня кожа на ногах. Я вечно стираю все пятки новой обувью.

– Вот именно. А там твои ножки будут дышать без всякой обуви. Ты будешь ходить по мягкому песку и траве.

– А в лесу, где иголки, сучья, колючие ветки, шипы и шишки? Андрей, я однажды шла босиком по тропе в Коктебеле. У меня порвался ремешок от босоножек. И что ты думаешь? Я пришла домой с избитыми в кровь ногами – камни, ветки, ракушки, степные колючки. И нестерпимый жар. Мама мне лечила потом ноги всю неделю. Бинтовала с мазью. Я не могла ходить.

– То в вашем Коктебеле, – отмахнулся Андрей. – Там степь и жара.

– А на острове будет только манна небесная под ногами? А мальчики? Как там будут ходить малыши?

– Отстань. Все будет хорошо.

– Да, а ты подумал о том, как там будут обстоять дела с детскими врачами?

– Зачем тебе эти аллопаты? Что умного от них ждать, кроме идиотских пилюль? У тебя муж – доктор. А медицина должна быть лишь восстановительная. Если, скажем, человек сломал ногу в лесу, то надо уметь правильно наложить... шину.

– А не гипс?

– Можно и без гипса обойтись. Надо же, какая грамотная у меня жена! Гипс? Будет вам и гипс! Там есть глина.

– А операции? Если, скажем, приступ аппендицита?

– Если человек не жрет никакой гадости, то у него в принципе не может воспалиться аппендикс. Надо, Света, питаться видовой пищей. А видовая пища – это плоды!

– Ну, хорошо! А роды? Кто будет принимать роды?

– Я, конечно. Но вообще женщина должна легко рожать самостоятельно.

– Андрюша, а если у матери ребенок лежит неправильно, и надо кесарить? Она же у тебя скончается от потери крови вместе с ребенком.

– Кесарить!?! Какие вы все образованные стали! Давно ли ты думала о том, что ребенка можно выносить за пару месяцев? А? Или это была не ты?

Она сильно покраснела и посмотрела на него с обидой.

– О, господи! – он схватился за голову. – Оставайся ты лучше дома. Я один поеду на острова.

В этот вечер они почти не разговаривали друг с другом. Рано утром он разбудил ее обычным ритуалом. Он повернул ее на бок и задрал тоненькую сорочку. Два теплых ото сна, чуть розоватых полушария предстали перед ним в своей беспомощной нагоде. Как он любил это зрелище. Плавный переход от узкой талии к бедрам, упругие ляжки, сомкнутые во сне. Он сильнее согнул ее ноги и привычным движением раздвинул вход. Горячий и голодный член вошел в нее сразу, без каких-либо прелюдий. Она проснулась от резких толчков и выгнулась навстречу ему.

– Киса моя, – шептал он. – Сейчас я напускаю моей сладкой девочке. Да? Так, Светик? Как тебя надо ебать? Так? Долго? Ты любишь долго?

Он еще сильнее прижал ее к себе, ухватив руками за бедра. Она застонала от приятной боли.

– Стоит мне в тебя войти, как ты уже вся мокрая. Тут же... Светка, дай мне свои губки и сладкие сисечки, – он перевернул ее на спину. – Блять, как я хочу тебя. Все время хочу! Ты моя! Всегда будешь только моей. Ты слышишь? – он ухватил ее за волосы, впившись крепким поцелуем в шею.

– Андрюша, не надо в шею. Я не смогу надеть открытое платье. Пожалуйста! – захныкала она, не переставая качаться бедрами навстречу ему.

– Кошка, какая же ты ебучая... Какая ты у меня наливная, сисястая. Я пьянею от тебя. И я хочу целовать именно в шею. Я обожаю твою шейку.

– Да, – шептала она.

Он вышел из нее и опустил ниже.

– Не ставить засосы на шейке?

– Неа...

– Тогда давай свои толстые ляжки. Я наставлю засосов возле пизды.

– Андрюша...

– Что, любимая? Тебя только так надо ебать. Часами... Чтобы у тебя не было сил, говорить всякую чепуху. Я заебу тебя так, что ты не сможешь сегодня ходить. Будешь лежать до вечера и снова ждать меня. Поняла?

– Да...

– Громче!

– Поняла... Ах...

– Иди, я приласкаю клитерок твой сладкий. Ты сейчас еще им кончишь.

Он присел рядом – пальцы проникли во влажную щель.

– Андрюша, я еще не ходила в туалет.

– Потерпишь... Сильнее кончишь. Я знаю...

Он был прав. Спустя три минуты его нежных, но настойчивых ласк, Светлана вскрикнула, судорожно выгнувшись всем телом. Ее острые ногти впились в его руку.

– Все... А... Не надо больше. Я обмочусь... Больно! Остановись...

Он часто продлевал яркость этого момента, игнорируя ее мольбы. Острое, словно кинжал наслаждение, близкое по ощущению к боли, пронизывало насквозь все ее естество ровно до тех пор, пока она не начинала хныкать. Срывающимся, жгучим шепотом она молила его о пощаде. Но если бы он внял ее просьбам, она бы первая была разочарована его самцовым отступлением в этой загадочной и понятной только им двоим игре. Эти мгновения можно было смело охарактеризовать, как «сладкую муку», в которую она несла всю свою страсть, все исступление. В эти мгновения муж казался ей сексуальным маньяком, злодеем и тираном. Но от этого она еще больше обожала и хотела его.

А после он вновь вошел в нее, с трудом преодолевая узость ее входа.

– Ты так кончаешь, что я не могу войти.

– Я знаю... Тише, Андрюша...

– Да, больно... Больно. Я так хочу, – рычал он ей в самое ухо. – Тебе и должно быть больно. Сейчас я вновь разьебу тебя.

Он отпустил ее только на несколько минут, сходить в туалет и попить воды. А далее все продолжилось вновь. Сколько это длилось, она не замечала. Она и вправду лежала уже без сил, мокрая от влаги и пота.

– На!!! – зарычал он на последнем вздохе и влил в нее всю свою силу, всю страсть.

Когда она проснулась, его рядом уже не было. На кухонном столе лежала записка: «Светочек, не скучай. Постараюсь вернуться пораньше. Сиди дома и жди меня. Твой муж».

Светлана вновь сделалась задумчивой. Она приняла теплый душ, а после расчесала длинные волосы и пошла завтракать.

«А вдруг он снова будет там с блондинкой? – думала она. – Или с брюнеткой. Нет, это же все неправда. Он же сказал, что все наврал от злости. Назло... Но, зачем? И гадалка... Какое страшное совпадение. Разве подобное бывает?»

Она смотрела в проем летнего окна, а минуты капали на дно чаши времени.

«Может, мне надо еще раз сходить к этой Джулии? Вдруг она сможет все пояснить. И еще там есть у нее какой-то колдун? Нет, медиум. Гипнотизер? Господи, о чем я только думаю. Они все, наверно, шайка шарлатанов. Но, ведь она даже не взяла с меня денег...»

Ей ужасно захотелось, собраться и сбежать на квартиру к Софье. Но саму Софью ей вовсе не хотелось видеть. Надо бы проскользнуть прямо к Джулии. А вдруг она сможет мне сказать нечто важное?

Светлана даже сделала попытку одеться и побежать на Троицкую. К тому старому дому. Но посмотрела на часы. Стрелка близилась к трем часам дня.

«Я не успею сбежать к Джулии. В любой момент может вернуться Андрей. А у меня еще даже не приготовлен обед».

* * *

В этот раз Андрей добирался до Серебряного бора на экипаже попроще и подешевле. Ванька, как видно, совсем недавно оторванный от родной сохи, сосредоточенно правил двумя пегими лошаденками. Он ехал, и время от времени косился на ездока. Смущался и спрашивал, правильно ли он выбрал дорогу. Как ни странно, добрались они до места назначения почти за то же время, что и на лихаче. Андрей расплатился с извозчиком, а тот совсем по-старому поклонился ему и сказал:

– Благодарствую, барин.

«С ума он, что ли сошел? – подумал Андрей. – Или это новая прихоть совбуров и жирующих нэпманов, вновь почувствовать себя господами? Бог с ним».

Воспитывать молодого извозчика Андрею не хотелось. Ему вообще не хотелось ни с кем разговаривать, а тем паче вести проникновенные речи о том, что революция в России свершилась ровно для того, чтобы вот такие молодые крестьяне не раболепствовали и не кланялись перед каждым встречным.

– Спасибо, голубчик, – с вежливой, но холодной улыбкой отвечал ему Андрей и пошел в сторону пляжа.

На этот раз народу здесь было поменьше. Он так же разделся в небольшом ивовом пролеске, а вещи и портфель спрятал за корягой.

Может, он пропустил всеобщее собрание, о котором накануне говорил Радек, а может в рядах членов общества произошли какие-то изменения, но сейчас он увидел совсем иную картину – пляж был полон простыми отдыхающими натурастами. Кто-то играл в шахматы, кто-то читал газету, кто-то просто спал, подставив солнцу бледную и тощую задницу, а кто-то, презрев все нормы морали, накрывшись шляпой, целовался. Причем Андрей отчетливо видел, как у любовника произошла эрекция.

Андрей шел вдоль берега, высматривая глазами Радека, но вместо него увидел вездесущую активистку Зоеньку. Она лежала на животе и грызла большое яблоко. На ее голове, вместо привычной красной косынки, нынче красовалась синяя панама.

– Здравствуйте, Зоенька! – поприветствовал ее Кольцов.

– А, это вы, товарищ Виноградов, – сквозь набитый рот, произнесла Зоя.

– Разрешите, я расположусь рядом с вами?

– Конечно! – глаза Зои сияли от счастья.

Андрей расстелил на песке сложенную пополам простынь, которую ему дала с собой Светлана, и разлегся возле сосредоточенной активистки.

– Я сегодня приехал чуть позже, – начал Андрей. – И, видимо, что-то пропустил.

– Все нет. Сегодня вообще не было орг-части.

– Вот как?

– Да, дело в том, что Карла вызвали на конференцию в Цюрих. И он отбыл. Велел нам самим организовываться. Но все материалы и списки членов остались у него на квартире. Никто из наших не смог туда проникнуть. У него очень суровая сестра. А жена тоже в отъезде.

– И что же получается, что без Радека в строю разброд и шатание?

Зоя рассмеялась:

– Как хорошо вы, Андрей, знаете выражения Владимира Ильича. Я помню, что это выражение Ильич использовал в своей работе «Что делать?», а потом и в речи на II съезде РСДРП. Он говорил: «элементы разброда, шатания и оппортунизма». Так, кажется, – Зоя снова улыбнулась. – Радек определенно прав – вам, товарищ Виноградов, надо вступать в ряды партии.

– Ой, нет. Только не сейчас, – попытался отшутиться Андрей. – У меня двое маленьких детей, жена и много работы.

– А что же вы не привезли с собой жену? – в голосе Зои послышалось легкое разочарование.

– О, она пока еще не сознательный элемент. Не готова к вступлению в наше общество.

– Вы должны проводить с ней разъяснительную работу, товарищ Виноградов. Чтобы из ее сознания уходила косность мышления. Для строительства нового общества нам нужны люди нового типа, свободные от буржуазных предрассудков и псевдо морали. Нам, коммунарам, не понятно чувство стыда. Мы смело шагаем в будущее без фиговых листочков поповской стыдливости. Кто не с нами, тот против нас!

Лицо Зоеньки разругалось.

– Зоя, Зоя! Успокойтесь, вы не на агитке. Я сам разберусь с несознательностью собственной супруги.

– Извините... – Зоя насупилась и отвернулась.

Андрей сел и посмотрел на воду в реке.

– Зоенька, – примирительным тоном произнес Андрей. – Вы уже купались? Как водичка?

– Холодная, – буркнула Зоя.

– Надо закаляться, товарищ Климович, – с улыбкой произнес Андрей. – Новому обществу нужны сильные и здоровые члены.

Он выпрямился во весь рост и пошел в воду, чувствуя на спине пристальный взгляд активистки.

Плавал он долго. Вода, вначале показавшаяся ему ледяной, теперь приятно холодила упругие мышцы. Он долго лежал на спине, медленно перебирая ногами, и смотрел в яркую синеву неба. Над рекой носились стрижи.

«Господи, как хорошо-то, – подумал он. – И как же будет нам хорошо со Светкой на острове. Без всех этих большевиков, коммунистов, активистов, жирующих нэпманов, огпушников и прочей мрази. Если с нами и поедет кто-то, то это должны быть умные и порядочные люди. С жуликами и негодьями райскую жизнь не построишь. Но, где же таких взять? – уныло думал он. – Куда ни глянь – всюду злобные свиные рыла... Ладно, проживем-увидим».

Когда он вышел из воды, Климович, перевернувшись на спину и заложив руки за голову, вызывающе раздвинула короткие ножки и загорала теперь белым животом. Андрей старался не рассматривать ее субтильную фигуру. Он лег на живот и сделал вид, что задремал. Одним глазом он посматривал на активистку. Ее маленькие груди в таком положении казались и вовсе плоскими. Впалый живот венчал кустик рыжеватых лобковых волос.

– Сегодня народу меньше, – раздался чуть приглушенный голос Зои из-под синей панамы, которой она закрыла свое лицо. – Катеньки тоже нет, – не без ехидства сообщила Зоя.

– Какой Катеньки? – глупо отозвался Кольцов.

Зоя стянула рукой панаму и пристально посмотрела на Андрея.

– Вы серьезно, товарищ Виноградов?

Андрей непонимающе глядел на активистку.

– Нет, вы серьезно тут же забываете о женщине, как только с ней переспите? – лицо Зои выражало смесь усмешки и злой иронии.

Она поднялась и села. Руки пошарили возле изголовья. Климович достала котомку и выудила из нее пачку папирос. Зажгла спичку и прикурила.

– Удивительные вы люди, мужчины, – она затаилась. – Сегодня любовь, а на завтра уже поминай как звали.

– Зоенька, уж не мораль ли вы решили мне читать? – вдруг развеселился Андрей. – А кто в прошлый раз так горячо вещал с трибуны о том, что буржуазная мораль должна стать пережитком? Кто говорил: «долой семью, с ее косными элементами патриархального уклада»? Да, здравствуют множественные союзы из нескольких членов. Разве это не ваши горячие речи?

– Мои, – осклабилась Зоя, выпустив очередную порцию дыма.

Курила она некрасиво. Совсем не женственно, вытягивая губы и скрючивая короткие пальцы.

– Ну, а раз ваши, то какие же претензии ко мне?

– Простите, но я же не призывала быть настолько легкомысленными. Вы, товарищ Виноградов, далеко пойдете.

– Может быть, – усмехнулся Андрей и, раскинув в сторону руки, изобразил собой полную утомленность разговором и желание подремать на солнце.

«Зря я расположился рядом с ней, – зло думал Кольцов. – Она меня точно уморит своим табачищем. Вот такой активистки как раз на моем острове только и не хватает. Через два дня в петлю от нее полезешь. А в самом деле, как я мог забыть о Екатерине? Не приехала, значит. Видать, будущий муженек не пустил. Отгуляла наша Катенька. Да и бог с ней! Пусть теперь мается со своим старым финдиректором. За плюшки, монпансье и цацки, надо, девочка, платить. В твоём случае ты заплатишь за все не только своей молодостью, но и жизнью».

Андрею вновь стало противно. Пред мысленным взором возник образ незабвенной Ирмы. Её смех, когда она сидела в роскошном авто, рядом с комиссаром. Он так живо вспомнил ее предательство и все собственные унижения, что у него заломило в висках.

«Все вы одинаковые, – с раздражением подумал он. – Недаром ваша прародительница Ева продалась змею-искусителю за яблочко. А может и не за яблочко. А, скажем, за зеркальце, помаду, духи или расческу. Да, именно за гребешок она и продалась. За поганый гребешок, чтобы расчесывать свои длинные волосья».

Ему захотелось встать и уйти с пляжа. Все вокруг посинело от яркого солнца и стало каким-то колючим и чужеродным. Он приподнял голову и огляделся. Парочка любовников с эрекцией давно исчезла. Видно, пошли совокупляться в соседний лесок. А что? Обычные люди. Только не надо мне их на моем острове. И вон того лысого дядю с животом, как у беременной бабы, тоже не надо. И тех двух, с шахматами. И активистку Зоеньку не надо. И Радека хитроумного тоже. Мой бог, что я тут делаю? Оказывается, даже нагота не делает людей ближе. И если ты болван, то таковым останешься и в природе. Если собрать всех этих разномастных умников, активистов-авантюристов с глупыми речами, вместо мозгов, всех этих партийных функционеров и их проституток, нэпманов, восторженных поэтов, аферистов-финансистов, морфинистов и онанистов, оппортунистов, троцкистов и марксистов, – Андрей откровенно глумился. – Собрать всю эту разномастную публику и свезти на мой остров – то все это пошлое отродье превратит мою голубую мечту в дешевый фарс.

Андрей чуть не рассмеялся от отвращения.

«Вот он, срез любого общества. Только еще попов не хватает и огпушников. Хотя, огпушники наверняка тут есть и маскируются под ярых активистов и комсомольцев. А вечером строчат доносы высшему начальству на Лубянке. Светка права. Надо быть осторожнее. Чтобы из огня да не попасть в полымя. Да и кто из них, собственно, согласился бы бросить все блага этой гнилой и порочной цивилизации и укатить на остров? Зачем им это? Их и тут неплохо кормят. Вон как ожожились осетриной из Торгсинов. Давно ли голодали?»

Солнце стало припекать сильнее. Андрей достал полотенце и укрыл им плечи.

«Светка... Только одна Светка не умеет быть фальшивой. Лапушка моя нежная. Самое преданное мне существо. Я с ней ласков – она счастлива. Когда я с ней груб, она плачет. Мало

плачет дуреха, она страдает по-настоящему. Так, что горячка, видите ли у нее начинается. Дворянское отродье! Как же я влип с тобою. Мне бы кого попроще, более крепкую и толстокожую. Как я с такой неженкой и на острова? Черт! Черт! И без нее не могу. Как только вспоминаю ее карие глазищи, распахнутые и темнеющие от страсти, когда она кончает подо мной, у меня каждый раз происходит взрыв в мозгу. Касание ее пальцев похоже на касание мотыльков. Светка! А как она раздвигает ноги!словно бабочка, пришипленная ботанической иглокой. Послушно, широко. Доверительно... И вместе с тем чудовищно развратно. А там у нее всегда мокро, узко, скользко... Черт!»

Он почувствовал, как член уперся во влажную ткань простыни.

«А что, если теперь лечь на спину и шокировать активистку Зоеньку новым видением? Как вы, Зоенька, отнесетесь к манифестации такого рода? Голосующий член! Причем, не член вашей ячейки или партии, а вполне себе реальный – ЧЛЕН. Торчащий ХУЙ. А что, Зоенька, вы же сами выступали за естество. Так что получите его во всей, так сказать, природной красе».

Ему вновь стало смешно.

«Надо ехать домой и снова отодрать Светку. Чем больше я ее ебу, тем сильнее мне этого хочется. Хочу еще как-нибудь выебать ее и при других бабах. Чтобы они смотрели и завидовали. А потом и их выебу у нее на глазах. Чтобы она плакала от ревности, а потом отдавалась мне так, словно в последний раз. Держалась бы двумя руками за свое сокровище...»

Он чуть не зарычал в голос.

«Кольцов, с такими мыслями ты не скоро сможешь встать. Подумай лучше о гангрене, например...» – веселился он.

Через четверть часа Андрей таки поднялся во весь рост.

– Вы уже уходите? – небрежно спросила его Зоенька.

– Да, товарищ Климович, – строго ответил Андрей. – Вот хочу сегодня отбыть домой пораньше. Давно желаю заняться чтением новой статьи товарища Троцкого.

Зоя приподняла голову и удивленно посмотрела на Андрея.

– Отлично, товарищ Виноградов. Обязательно приходите к нам на летучку, во вторник вечером. Сбор на Патриарших. И к следующей субботе должен уже подъехать Радек. И тогда мы сможем собраться по поводу обсуждения Устава сообщества.

– Да, я постараюсь всенепременно, – отвечал Андрей. – Буду, постараюсь, если работа над статьей Троцкого не займет у меня времени больше, чем я рассчитываю. Знаете ли, Зоенька, я еще тот тугодум. Пока разберусь, что к чему, пока вникну... А у меня уже скопился ряд трудов Ленина. Тоже надо изучить. Засим разрешите откланяться.

Андрей шутовски поклонился активистке и отправился прочь с пляжа.

– Фигляр! – раздраженно прошептала она вслед, уходящему красивой походкой Кольцову. – Но, как хорош! Ему бы я отдалась...

* * *

– Светка! – крикнул он с порога. – Как вкусно у нас пахнет! Я голодный как волк.

– Андрюша, – покрасневшая и немного запурханная Светлана появилась в коридоре. – Я испекла тебе пирог с абрикосами и миндалем и сделала окрошку. Ты будешь окрошку? Она без мяса.

– Конечно, буду! Сначала я съем все, что ты наготовила, а потом я проглочу тебя. Маленькими кусочками. Светка, ты будешь сегодня орать, так я тебя заебу...

– Наши соседи скоро напишут на нас жалобу, – смущенно произнесла она.

– Нет, Светик. В этом доме очень толстые стены. Я проверял. Твой муж – очень талантливый хирург. Ты знала об том?

– Да, – она улыбалась.

– Да... – передразнил он ее. – А потому, раз я у тебя такой чертов умница, то мне что дали?

– Что?

– О, господи! Ну, конечно же, самую роскошную квартиру. Здесь стены полметра толщиной. Наверное, когда строили этот старый особняк, то какой-нибудь извращенный купеческий гений хотел сделать в этих стенах несколько пыточных кабинетов. А? Как ты думаешь?

– Андрюша, ну что ты такое говоришь?

– А ты думала, что твои дворяне все сплошь были ангелами? Были и среди них те еще развратники, – Андрей посмотрел на высокие потолки коридора. – Слушай, а давай как-нибудь поиграем с тобой в насильника и пленницу? А? Я привяжу тебя на весь день с раздвинутыми ногами и буду подходить к тебе столько раз, сколько захочу. И буду ебать тебя столько, сколько захочу.

– Андрюша, я итак отдаюсь тебе столько, сколько ты захочешь, – она обняла его мягкими руками и прижалась к его груди.

– Я знаю, но может, иногда мне интересно полюбоваться на твою полную беспомощность. Ты даже не сможешь убрать мои руки во время оргазма. Не сможешь сомкнуть ног.

– Я тогда просто умру от боли.

– Приятной боли.

– Да, но она порой невыносима...

– Черт поberi, он у меня снова стоит. Может, попробуем прямо сегодня связать тебя на пару часов? А, моя киса?

– Не-ее-ет...

– Вот когда ты говоришь нет, а глаза твои туманятся, я всегда знаю, что «да»! И, черт поberi, мне жаль, что здесь очень толстые стены.

– Почему?

– А я хотел бы, чтобы все тетki этого дома слышали, как ты орешь. Слышали и сходили с ума от зависти.

– Ты сумасшедший, – Светлана улыбалась. – Сумасшедший развратник.

– Корми меня, только несильно. А то мне будет тяжело, – скомандовал он. – И готовься.

– К чему? – она хитро смотрела на него.

– К экзекуции, – сурово ответил он. – Сегодня я точно тебя свяжу. А потому иди и готовься.

– Как? Душ я только что приняла, – она покраснела.

– Морально, дурочка...

– Как это?

– Ну, например, читай молитвы.

* * *

На работе, в свободные от операций часы, Андрея не оставляли мысли об островах или неведомых землях, где тепло, много фруктов, нет никакой одежды и прочих предметов цивилизации. Все более и более он приходил к выводу о том, что все самое плохое в мире связано лишь с развитием прогресса. И что любая цивилизация, какими бы гуманными целями не прикрывалась, всегда ведет к войнам, смертям и разрушениям. К гибели людей, животных и загрязнению природы.

Но кто же изначально был виновником всей цивилизационной заразы, которая, по мнению Андрея, росла словно раковая опухоль или грибница по всему земному шару? И если бы он был глубоко религиозным или воцерковленным человеком, то очевидно нашел бы корни всех бед в библейских рассказах о грехопадении Евы. Он знал, что именно женщины, их при-

родная алчная, изворотливая и хитрая суть создали все предпосылки для роста так называемой «предметной среды». Которая, по сути, была чужда природному миру. Любая тряпка, гребешок, бусинка, колечко – все это было лишь истоками того, отчего мир рано или поздно обрстал кучей чужеродных природе вещей. Спустя века эта самая куча увеличивалась до таких масштабов, что заслоняла собой все живое пространство. Деструктировала созданное творцом до степени полного и бесповоротного разрушения.

Бабы и только бабы всегда провоцировали представителей сильного пола на добывание всех этих маленьких и гнусных «предметиков», отличающих их друг от друга, дающих им мнимое преимущество перед подобными себе. Выделиться в безликой толпе. Чем не смешная цель? Что же на самом деле принадлежит «венцу божьего творения», кроме собственного тела, как инструмента познания? Да, ничего. Но мало кто этого понимает. Андрей с ужасом осознавал, что этого не понимает никто! Эта толпа человекоподобных возомнила себя хозяевами планеты. Жалкие, ничтожные и самонадеянные твари! Они не понимают, что весь этот мир и вся природа дана им лишь во временное пользование. А они взрывают землю гранатами, стреляют пушками, убивают животных, гадят всюду, где только живут.

И да, именно в женщинах, в их природе, он видел истоки этой чудовищной дисгармонии.

А мужчины – более чистые и непорочные создания, чем женщины – всегда были готовы потакать прихотям новоиспеченных Лилит. Почему потакали? Да, просто потому что любили. Чисто и безусловно. В отличие от их бабского продажного племени. Да, трансформация от Евы до Лилит происходила молниеносно. И происходит до сих пор.

Он тут же вспоминал Ирму. В эти минуты он особо ненавидел весь женский род. Ненавидел за их предательство.

Успокаивался он лишь тогда, когда мысли его вновь уносились к жене.

«Слава богу, что Светка у меня не такая. Она почему-то совсем не жадная. Она может подарить домработнице Дашке любую дорогую тряпку, чулки, платья, флаконы духов. Она вечно таскает вещи для сбора погорельцам, лишенцам и каторжанам. Кормит бездомных собак и плачет всякий раз, когда смотрит в их голодные глаза. Эта простофиля способна отдать все, что есть у нее за душой. И хоть она неженка и любит комфорт, и красивые платья, я точно знаю, что она не бросила бы меня, если бы я не стал зарабатывать ни рубля... Если бы я стал совсем нищим или калеккой. Или все-таки бросит? Нет... Она не такая. Она идейная и чистая. И умная к тому же. Она будто знает, глубинно знает, что природа всех, даже самых красивых вещей, к счастью, не вечна. Знает, что все вещи рано или поздно превращаются в тлен. Знает и потому совершенно безразлична ко всем богатствам мира. Она была с ним счастлива и не роптала на тяготы в голодном 1920, тогда, когда они вернулись из жаркого фруктового Крыма в холодную и полуголодную Москву. И ныне, в нэпманской мишуре жирующих совбуров, ей безразлично почти все, кроме, пожалуй, мороженого».

Он с нежностью вспоминал о том, как она слизывала своим остреньким розовым языком круглое сливочное лакомство и жмурилась от счастья. Он пристально смотрел на ее язык и тут же мечтал поцеловать ее и ощутить его шелковую гладкость.

– Светка, у тебя идеальный язык, – усмехался он.

– Почему?

– У него слишком здоровый вид. Поверь мне, как доктору.

Она хохотала в ответ, дразня его и показывая кончик самого прекрасного в мире языка.

И даже, когда она просилась с ним в Париж, он знал, что меньше всего она будет таскаться по дамским магазинам в поиске тряпок и духов. Он знал, что эта эстетка тут же побежит в Лувр.

Только наличие Светланы примиряло его в презрении к женскому роду. Она своим существованием словно бы растворяла и нивелировала это самое презрение. Иногда он думал о том, что просто ему повезло заполучить именно то исключение, число которого ничтожно до изумления. Заполучить в свои руки именно чеховскую Душечку. Неужели Господь так любит его,

что дал именно ему иную женщину, так не похожую на прочих? Может, он видел мои страдания и пожалел меня – думал Андрей. Или же просто не пришло время, и даже моя Душечка может выкинуть финт? Хоть он и держал ее в строгости, но иногда его посещали мысли о том, что вдруг и она способна на предательство.

– Нет, и еще раз нет! – говорил он вслух сотне невидимых оппонентов, вечно спорящих с ним в его собственном воображении. – Она любит меня. Любит сильно. Я знаю это.

А далее он думал о том, что весь библейский миф об искушении Евы змеем, придуман неспроста. Что змеи и ящеры реально существовали и существуют ныне. И змеи эти не кто иной, как враги рода человеческого, проникшие на землю. Именно они, эти дьявольские создания, слились с основной массой людей и разрушили все замыслы творца. Именно они открывали все «блага цивилизации», той цивилизации, которая рано или поздно вела к гибели человечества.

– Нет, надо отсюда бежать! – решительно говорил он. – А сподвижников надо искать постепенно, ошупью. Может, среди аспирантов или студентов. Молодые люди еще не испорчены так, как старые толстяки, каким, например, был его коллега Сидорчук, который вновь сидел напротив Андрея с неизменным бутербродом во рту.

В ординаторской, над письменным столом Андрея, теперь висела цветная карта мира. И время от времени Андрей разворачивался к ней и с наслаждением рассматривал океаны и цепочки мелких островов.

«Где-нибудь, среди них, будет и мой остров», – мечтательно думал он.

– Что, Андрей Николаевич, опять островами грезите? – с набитым ртом спросил его Сидорчук.

* * *

Андрей настолько увлекался мечтами об островах, что многие мысли произносил вслух. Однажды в ординаторской отдыхали молодые практиканты. Кольцов только что вернулся из операционной. Операция была довольно сложная – иссекали грыжу у тучного пациента. В конце операции интерны хлопали ему. А он, вдохновленный, в хорошем расположении духа, вновь завел разговор о том, что если бы пациент питался правильно и вел здоровый образ жизни, то никогда бы не заболел.

– Природа предусмотрела все, – глаза Кольцова блестели. Он смотрел на лица восторженных молодых людей. – Это человек испортил себя и собственное здоровье неправильным и чрезмерным употреблением пищи.

– А как надо правильно? – робко спросила молодая рыженькая практикантка.

– А правильная пища для человека – это плоды, – доброжелательно пояснил Кольцов.

– А я люблю селедку, – потупившись, отвечала смелая девушка.

– А вы потому любите селедку, милая барышня, что вас приучили к ней с детства. А на самом деле – соль и сахар – это враги для организма человека.

– Да, мне бабушка давала селедку с зеленым лучком и картошкой, – призналась она. – А еще я люблю колбасу и окорок.

– А я шашлык и плов, – подал голос студент с кавказскими чертами.

– Во-оо-от! Вы видите, насколько ваши вкусы испорчены с самого детства? Наши бабушки и мамы неправильно кормили нас всех.

– У меня была хорошая мама, – насупился кавказец. – Она все делала правильно.

– Да, я же не говорю, что у вас плохие мамы, товарищи. Я говорю о другом. Вы же сами врачи. У вас хорошие и светлые мозги. И вы видите, сколько болезней существует в этом мире. А ведь большая часть из них появилась в результате неправильного питания. Мы состоим из

того, что сами едим. И если пища чиста, то и тела наши и клетки этих тел – здоровы и чисты. Тогда откуда же взяться болезням?

– Ну, завел свою шарманку, – тихо прошептал Сидорчук, покидая ординаторскую.

– Я приехал с Урала, – сообщил всем вихрастый низкорослый паренек. – У нас зимой трудно прожить без мяса или сала. На зиму дед набивает полный погреб дичью. И ловит в реке тайменей, осетров и муксуна. И потому мы не голодаем. У нас большая семья.

– Эх, если бы я спросил вас, молодой человек, что же ваш дед забыл на Урале, где полгода зима и стужа, вы верно бы и не ответили мне.

– Как это что? Мы там живем.

– А как вы там оказались?

– Мы переселенцы со времен Екатерины.

– Вот! Получается, что оказались вы там совсем не по своей воле!

– Ну, не знаю. Мы давно привыкли и нам нравится. Это родина наша. Я люблю зиму. И мы с дедом и отцом вместе ходим на охоту.

– Убиваете зверье? – Андрей махнул рукой.

– А что же нам делать?

– Жить там, где тепло, – безапелляционно отвечал Андрей.

– А летом у нас тепло. Даже жарко.

– А вы представьте, что на планете есть места, где тепло круглый год.

– Ну, это не в Советском Союзе, – заявила рыженькая девушка.

– Да, это не в Советском Союзе, – махнул рукой Кольцов.

* * *

Однажды в конце рабочего дня к Кольцову подошел заведующий отделением, солидный профессор Грабичевский.

– Андрей Николаевич, задержитесь на минуту.

– Я вас слушаю, Владлен Михайлович.

Зав отделением взял Кольцова под руку и прошел с ним по коридору.

– Вот что, голубчик, у меня к вам есть особая просьба. Завтра я намерен привести на осмотр одну важную персону. Это женщина. Она работает в Отделе изобразительных искусств, при Наркомпросе.

– Вот как! – иронично воскликнул Кольцов и приподнял одну бровь. – Важная птица.

– Важная. Но есть птица и поважнее.

– Да?

– Птица поважнее – это ее родной братец, – Грабичевский понизил голос до шепота. – Он работает в ОГПУ, в одном из секретно-оперативных управлений УСО, под руководством самого Менжинского.

– О, Владлен Михайлович, мне уже страшно. А вдруг над этими двумя птицами есть еще одна птица, поважнее двух предыдущих? Тогда я точно умру от важности момента.

– Что? Ах, нет! – зав отделением кокетливо рассмеялся и погрозил пальчиком. – Вы все шутите, Андрей Николаевич.

– Да, какие уж тут шутки, коли все так серьезно. И когда эта ваша барышня придет?

– Завтра. В три часа пополудни. Будьте, пожалуйста, в вашем кабинете.

– А что, собственно, с ней?

– Там что-то с ногами. Надо бы определить, нет ли тромбофлебита.

– Хорошо, я посмотрю. Могу идти?

– Да, конечно, – Грабичевский задумчиво смотрел в сторону Кольцова.

– Что-то еще, Владлен Михайлович?

– Андрей Николаевич, я вот, что давно хотел вам сказать. Мне тут просигнализируют, что вы довольно часто ведете в ординаторской и на кафедре какие-то, прямо скажем, вольтерьянские дебаты.

– Да? – Андрей нахмурился. – И кто же вам просигнализировал?

– Нам не нужны детали, – жеманно произнес Грабичевский. – Вы, Андрей Николаевич, у нас один из лучших хирургов клиники. Я даже не побоюсь назвать вас одним из талантливейших хирургов столицы. Я, кстати, давно вам предлагаю подумать о написании диссертации. Но, не в ней суть. Ах, о чем я? Да, вот... – он снова взял Кольцова за пуговицу от больничного халата. – Андрей Николаевич, времена сейчас непростые. Ваши речи об островах и иностранных государствах могут растолковать не так, как надо. Опять же поступил сигнал, что и о советских продуктах вы отзываетесь дурно. Вы можете быть кем угодно. У нас в стране не возбраняется быть даже вегетарианцем. Но! – Грабичевский оглянулся по сторонам. – Давно ли молодая республика справилась с голодом? А это все был результат порабощения народных масс царским режимом, годы революции и гражданской войны. Люди только-только есть стали вдоволь. А вы им про то, что, дескать, колбаса вредна, есть мясо – дурно. Не надо, Андрей Николаевич. Товарищи вас могут не понять.

Андрей внимательно посмотрел на лоснящиеся от жира щеки Грабичевского и его выпирающий живот, и подумал о голодном прошлом этого человека.

– Я вас понял, Владлен Михайлович, – сухо произнес Андрей и кивнул.

– Вот и отлично, – Грабичевский улыбнулся. – Не забудьте. Завтра в три.

– Хорошо.

* * *

Вечером Андрей жаловался Светлане на непроходимую, на его взгляд, тупость многих советских функционеров.

– Светка, я иду иногда по улице, и мне кажется, что вокруг не люди, а куры с гребешками. И что они не говорят, а что-то кудахчут друг другу.

– Андрюша, прекрати. Ну, что за экзальтированные выдумки? Тебе просто надо отдохнуть. Ты слишком много работаешь. Да, еще жара. Я давно тебе говорила, чтобы ты прекращал вести прилюдно все эти разговоры о вреде цивилизации и прелестях островной жизни.

Она подошла близко и, обхватив руками его голову, прижала к себе. Губы коснулись его щек, глаз и русой макушки.

– И ты туда же? Я просто пытаюсь подобрать команду единомышленников.

– Подобрал? – она вновь нежно погладила его по щеке, словно ребенка.

– Нет, Светка. Все смотрят на меня глазами от замороженных окуней. И хоть бы у одного повернулась в башке здравая мысль. Света, сколько лет они живут? Шестидесят, семьдесят? А многие еще меньше. А между тем человек должен жить как минимум лет сто пятьдесят. Они уже в сорок имеют кучу болячек. Я же врач, я каждый день оперирую и вижу все то, что творится у них внутри. То, насколько растянуты дерьмом их кишечники. Они все похожи на кашалотов. Хотя, я зря грешу на кашалотов. Нет в мире более всеядного чудовища, чем человек.

– Ну, ты хватил!

– Да, Света! Да! Наши запасы прочности велики. Но, нужна иная, более здоровая среда.

– Андрюша, милый, но не все люди также сильны духом как ты. Вот, даже я. Я ведь часто ем сладкое. И даже иногда рыбу или колбасу. Немного, но ем. И не смотри на меня так. Люди не совершенны. И в этом мире хочется попробовать многое. Иначе мы бы все родились без чувства вкуса.

– Ешь. Ты ешь немного. Но не жрешь же, как они.

– Нет, не жру, – она прыснула от смеха. – Но я же не худенькая, Андрюша.

– Тебе и не надо быть слишком худенькой. Ты женщина и самочка. Я больше говорю о мужчинах. Посмотри, каждый второй ходит с пузом. Они отожрали их всего за каких-то пару лет.

– Андрей, но многие и вправду в войну наголодались. Вспомни еще недавнюю Москву. Да, я уверена, что и сейчас во многих областях люди не едят досыта. У соседки родственники живут в Поволжье. Она мне рассказывала, что там два года был страшный голод. И даже случаи людоедства.

– Светик, давай тогда поедем одни. Я присмотрел тут парочку мест в океане с хорошим климатом. Нам же ничего с собой не нужно. Лишь горстку семян возьмем. И будем там питаться одними плодами. И жить вполне себе счастливо. Ты даже не представляешь, каково это – жить на свободе. Я буду ночами играть тебе на флейте, а ты будешь слушать меня. И мы будем друг друга любить.

– Андрюшенька, любовь моя, ты у меня самый умный, сильный, смелый и талантливый человек. Но ты такой идеалист и мечтатель. Ты говоришь, что мы поедем туда с горсткой семян. Знаешь ли ты, что такое семена? Нет? А я знаю. Мой папа, покупая домик в Коктебеле, брал с собой огромную кучу разных семян. А в результате взошли и прижились из них немногие. Прижились лишь абрикосы, персики, виноград и черешня. И то лишь от саженцев, которые он купил на рынке в Ялте. Да, и пока деревья начнут плодоносить, что мы будем есть в это время?

– Тогда надо найти земли с развитым садоводством.

– Любимый, но это же будут чьи-то сады. Мы ничегошеньки не знаем о нравах островитян, об их обычаях, об их мироустройстве. А вдруг они нас прогонят или побьют? Многие чернокожие не любят белых и пришлых людей.

– О, Светка! Ты режешь меня без ножа. Замолчи.

– Я молчу, любимый. Но надо еще о многом думать. Андрюшенька, родной мой, все твои мысли опережают время. Не ко времени пока твои идеи.

– Ну, почему?!

– Почему? Люди еще карточки не забыли и хлеб из опилок. А политика Военного коммунизма с ее продналогом и продразверсткой? А тысячи голодных лишенцев? Ты все время на работе, а я видела их лица, лица голодных и изможденных людей, просящих подаяние. А Владимирка с ее каторжанами? Андрюша, не ко времени все это. Дай людям в себя прийти.

– Ну, эта же власть строит коммунизм и рапортует о том, что голодающих у нас уже нет.

– Есть они, Андрюша, они всегда есть.

– Света, ну к чему эти крайности? Я не хочу постоянно жить в мире страданий. Пойми ты. И ты еще молода, а я даже мальчишкой помню, сколько всего жрали купцы и помещики в «обжорных рядах» и трактирах. У этой страны всегда – крайности. Толпы голодных, а рядом с ними жратва от пуза сильных мира сего. Они подобны свиньям. Им вечно всего мало.

– Андрей, этот мир несовершенен.

– И ты мне это говоришь? Помнишь, как я однажды рассказывал о том, что у меня был опыт выхода из тела?

– Помню...

– И вот, именно тогда я ощутил такую легкость и такое наслаждение, что сама мысль о возврате в «футляр», была для меня просто чудовищной. Я парил в темном родном пространстве и был счастлив! Но меня тогда вернули назад. Это было очень больно и жестоко. Вернули грубо, указав мне на мое место. А знаешь, что было за несколько мгновений до этого?

– Что?

– Я вознамерился, подобно самому Творцу, создать нечто свое, понимаешь? По-видимому, в каждом из нас есть часть от Творца, раз мы созданы «по образу и подобию». И я, его «подобие», решил дерзнуть на творение собственной реальности, собственной планеты. Орга-

низовать все иначе, чем создано на земле. Понимаешь? По своим правилам – без лжи, боли и страданий.

– Ну, это на тебя похоже, – улыбнулась она.

– Но мне, Светка, не дали. Мне указали «мое место». И оно сейчас в этом «футляре», в котором я живу. А потом я стал думать о том, что каждый из нас может все изменить хотя бы в рамках своей собственной жизни. Жить там, где нет атрибутов гнилой цивилизации. Жить именно так, как и задумывалось изначально творцом. Отсюда и возникли мои идеи об островах, где тепло и где я смогу жить только по моим правилам.

– Ты у меня идеалист и великий утопист, Андрюша, – прошептала она.

Утром она прижалась к нему всем своим мягким телом. Сквозь сон он почувствовал ее поцелуи.

– Андрюша, хороший мой, если бы ты только знал, как я тебя люблю...

– Господи, счастье ты мое... Дурочка... За что же ты меня так любишь?

* * *

В три часа дня, как и обещал ему заведующий отделением Грабичевский, в дверь его кабинета раздался стук.

– Войдите, – сухо отозвался Кольцов, не отводя взгляда от рентгеновского снимка.

Краем глаза он увидел, что в кабинет вошел сам Грабичевский, ведя под руку какую-то высокую даму.

– Вот, Андрей Николаевич, – сладким голосом возвестил Грабичевский. – Как и обещал, я привел к вам Варвару Семеновну Бронш. Любите и жалуйте, – он натянуто хихикнул. – От вас, Андрей Николаевич, мы желаем получить полную медицинскую консультацию.

– Присаживайтесь, товарищ Бронш, – деловито распорядился Андрей.

Грабичевский сделал Андрею знак глазами, видимо, означающий важность момента и побуждающий Кольцова быть более учтивым с высокой персоной. Затем он качнулся на коротких толстеньких ногах и, заложив пухлые ладони за спину, лилейно произнес:

– Ну что ж, тогда не буду вам мешать.

Андрей кивнул, вновь не поднимая глаз ни на новую пациентку, ни на заведующего. Когда за Грабичевским закрылась дверь, он посмотрел внимательно на чиновницу. Это была худощавая брюнетка, за тридцать, высокая и элегантная. На ней был надет дорогой английский костюм из темного твида, из-под которого виднелась белоснежная шелковая блузка. Черные волосы были коротко и модно подстрижены под каре. Бледное лицо казалось довольно милым. Правильные черты лица и темные круги вокруг карих глаз напоминали чем-то образ незабвенной Веры Холодной. Дама сидела довольно непринужденно, скрестив худенькие ноги, обутые в дорогие лакированные туфли. Она смело смотрела Андрею прямо в глаза и обворожительно улыбалась.

– Ну-с, на что жалуюсь?

– Я? – она еще раз улыбнулась и перевернула положение ног. – Я, в общем-то не жалуясь, а просто хотела бы предотвратить возможные неприятности.

Голос у чиновницы был чуточку хрипловат, но довольно приятен. И было в нем, как показалось Андрею, нечто порочное и вызывающее. Едва уловимый флер некой таинственности.

– Так... – Андрей откинулся на спинку стула. – Слушаю вас внимательно.

– Дело в том, что в жару у меня немного отекают ступни ног, в области лодыжек. Сказали, что с почками и сердцем все обстоит неплохо, но вот...

– Снимите чулки, мадам, мне нужно вас осмотреть. У вас есть заключение прочих докторов?

– Да, непременно.

Она зашла за ширму.

Спустя некоторое время Андрей записывал в карточку результаты осмотра.

– На первый взгляд я не вижу у вас, Варвара Семеновна, никаких серьезных отклонений. Вены расширены лишь на одной ноге. Умеренно. Ток крови, я полагаю, неплохой. Цвет кожи одинаков по всей ноге. Я явно не обнаружил у вас никаких признаков поражения вен. Конечно, надо наблюдать все в динамике и только. Я назначу вам мази, и пройти курс анализов. После которых уже смогу окончательно поставить диагноз.

– Значит, вы не находите ничего страшного? – с улыбкой спросила она, кокетливо пряча узкие ухоженные ступни. Андрей успел заметить, что ногти женщины покрыты розоватым лаком.

«Дамочка явно любит бывать за границей, – отметил он. – У нас ногти красят лишь коготки. И то не столь изысканно. И духи, как чувствуется, не из дешевых. Но ноги, на мой вкус, сильно тощие. И зад тощий, – он бегло осмотрел ее фигуру, когда она отходила к ширме. – А впрочем, Кольцов, какое тебе дело до фигуры твоей пациентки? Тем более, чиновницы. И то, что она откровенно строит тебе глазки, не делает ей честь. А впрочем, какая там честь у партийной номенклатуры? Типичная бюрократка. Ладно, не о том я думаю».

– Итак, Варвара Семеновна, вот вам рецепт на две мази. Натирайте ими ноги на ночь попеременно – чередуя. После результатов анализов, я смогу вам назначить более расширенное лечение. Как вариант – лечение грязями, ванны. Что еще? – Андрей задумчиво посмотрел в окно. – Ах, да, пожалуй, самое главное.

– Да? – она кокетливо улыбнулась.

– Самое главное, товарищ Бронш, это правильное питание.

– Это какое же? – тонкая бровь изогнулась в ироничной усмешке.

– Минимум соли и сахара. Сладостей желательно совсем не употреблять. Меньше алкоголя и животных жиров.

– Доктор, я вообще не ем животного мяса, – с придыханием заявила она.

– Вот как? – Андрей внимательнее посмотрел ей в глаза. – Отчего-с так?

– Я строгая вегетарианка. И лишь совсем редко я позволяю себе есть живых устриц, крабов, омаров и чуть-чуть икры. Все остальное – любое мясо, колбасы, окорок и прочие мясные продукты я совсем не употребляю. С самого детства.

– А что же вы едите, мадам? – Андрей смотрел на чиновницу с бóльшим интересом.

– Я ем плоды, – томно произнесла она и взмахнула крашеными ресницами. – Ягоды, фрукты, иногда орехи и немного злаков. Правда, я еще чуть пристрастна к хорошему хлебу. Выпечке. Но и это не так часто. Сейчас на нашей даче уже поспела клубника. Вот ягоды я сейчас и ем.

– Это весьма похвально. Честно сказать, вы меня весьма удивили.

– Я старалась, – она рассмеялась.

– Андрей Николаевич, а я вас узнала.

– Вот как? В каком смысле?

– Я видела вас в Серебряном бору, на пляже, вместе с Радеком.

Андрей покраснел.

– Правда, – продолжила она игриво. – Радек мне сказал тогда, что ваша фамилия Виноградов.

– У вас хорошая память на лица, фамилии, – краска стыда не сходила с лица Андрея.

– Это профессиональное. Я художница. Я рисую портреты. И я хотела бы писать вас с натуры.

– Меня? Зачем? Разве у вас нет иной натуры? – Андрей нахмурился.

– Нет, такой как вы, увы, нет. Вы прекрасно сложены. И лицо, ваше лицо... Оно прекрасно.

– Да, перестаньте...

– Отчего же? Я довольно правдива. И если мужчина красив, я ему прямо об этом и говорю. Впрочем, я столь же правдива и в отношении красивых женщин. Я художник, и вижу натуру такой, какая она есть.

– Так вы, Варвара Семеновна, получается, член общества «Долой стыд», раз были на том же пляже, что и я? – перебил ее смущенный Кольцов.

– Я? – она засмеялась. – Конечно, член. Я вообще, знаете ли, люблю все новое, авангардное. Новых людей, новые идеи, новую моду. Маяковского люблю. А вы?

– Я почти равнодушен теперь к поэзии. Поэзия осталась в далекой юности.

– Ну, что вы! Маяковского нельзя не любить. А Есенин? Я писала его портрет. Хотела писать и Блока, но не успела. Вам, верно, уже сказали, что я работаю в Наркомпросе, в Отделе изобразительных искусств?

– Да, кажется. Я точно не помню.

– Ах, Андрей Николаевич, вы совсем не умеете лгать, – она погрозила ему тонким пальцем. – А у Радека, на его собраниях, мне иногда приходилось бывать. Но я скорее просто натурастка. Люблю сама ходить обнаженной, и все мои натуры ходят у меня по даче обнаженными. Я пишу с них картины. У меня много красивых девушек и юношей. Совсем недавно я писала большое полотно «Фавн в окружении нимф». Даже Костя Коровин хвалил мои художества. Я бывала у него в Париже. Вы любите Коровина? – спросила она и, не дожидаясь ответа, продолжала: – Константин Алексеевич прекрасный импрессионист. Я познакомилась с ним в Гурзуфе. Он много работ делал для театра. Прекрасных декораций! У меня на даче часто бывают художники, поэты. Весь московский бомонд. Возьмите мою визитку. Здесь есть три моих номера – один в Наркомпросе. Там соединят с коммутатора. Есть и домашний, и на даче. У нас с братом имеется огромный участок в Переделкино. Он еще мало застроен. Нам досталась усадьба одного бывшего помещика. Неплохой каменный дом, сад, аллеи, которые я устроила по своему вкусу, озеро с лодками. Да, у нас много приятных безделиц.

Андрей внимательно посмотрел на визитку чиновницы.

– Вы непременно должны побывать у меня. Я решительно хочу писать ваш портрет. А потом вы сможете прекрасно провести у нас время. Поверьте, оно будет незабываемо. У меня собираются только самые раскрепощенные люди.

– Хорошо, благодарю вас, Варвара Семеновна, за приглашение.

– Обещайте, что непременно позвоните мне, и мы встретимся.

Андрей смотрел на женщину с улыбкой и молчал.

Когда она изящно встала со стула и пошла к выходу, он кинул ей на прощание:

– И все же, Варвара Семеновна, старайтесь есть меньше соленой икры.

Она обернулась и, тряхнув волосами, рассмеялась.

Глава 2

Почти всю неделю Андрей не вспоминал о своей странной пациентке. Он был сильно увлечен работой. Иногда приходилось делать по три операции в день.

Однажды в конце рабочего дня заведующий Грабичевский, запыхавшись от быстрой ходьбы, стоял возле палаты, где Андрей осматривал тяжелых больных.

– Андрей Николаевич, вас к телефону.

– Кто? – настороженно спросил Кольцов.

– Я, конечно, не могу сказать точно, но мне показалось, что вам звонит товарищ Бронш. Варвара Семеновна. Потому что соединили меня через коммутатор Наркомпроса. Вы тогда сделали ей назначения?

– Конечно. А как же. И ей назначен прием через две недели.

– Я не знаю, зачем она звонит. Может, ей что-то не пошло в лечении? Идите скорее к аппарату. Они прямо в мой кабинет позвонили.

– Хорошо, иду.

Андрей быстро дошел до кабинета заведующего.

– Алло! – напряженно спросил он.

– Здравствуйте, Андрей Николаевич, – пропели в трубке. – Здравствуйте, дорогой. Что же вы мне так и не позвонили за всю неделю?

– Я был очень занят.

– Сегодня пятница. А завтра у вас выходной?

– Да... Если не будет срочных операций. Правда, у меня с утра обход. Есть два тяжелых пациента. А что?

– А то, что завтра у меня на даче собирается довольно интересная компания. И я хочу, чтобы и вы были непременно среди моих гостей. Отказа я не приму.

– Но... Ну, хорошо. Во сколько?

– Во сколько вы освободитесь?

– Около десяти утра. Как до вас добраться?

– Не стоит об этом думать. Завтра к десяти за вами придет машина, прямо к клинике. Я жду вас непременно. И предупредите своих домашних, что вы можете немного припоздниться. Хорошо?

Андрей не отвечал.

– До завтра! – ласково проговорила трубка, и послышались короткие гудки.

* * *

– Светик, ты не сильно обидишься, если я завтра вновь уеду на встречу по своим общественным делам?

– Куда? Опять в Серебряный бор?

– Не совсем. На этот раз сообщество собирается в поселке Переделкино. Там будет Радек и другие товарищи, – пространно фантазировал Андрей, отводя в сторону глаза.

– Дался тебе этот Радек, словно он приятель тебе или родственник.

– Не приятель и не родственник, но ссориться с этими людьми я не буду. У них длинные руки.

– Ох, Андрей, как мне все это не нравится. Зачем ты с ними связался?

– Я знаю, милая. Но я постараюсь быть недолго. Только если я припозднюсь, ты ложись спать без меня.

– Что это еще за новости, Андрей? Ты хочешь сказать, что можешь не прийти ночевать?
– Почему? Непременно приду. Мне, правда, сказали, что там прошли проливные дожди, и чуточку размыло дороги. Я просто хочу предупредить, чтобы ты, если что, не волновалась. Вот и все.

– Андрюша, если там размыло дороги, то зачем вообще туда ехать?

– Свет, я же все объяснил. Меня туда позвали такие люди, которым лучше не отказывать. Светлана с грустью посмотрела в окно.

– Ты там ходишь обнаженным. Обнаженными ходят пред тобою чужие женщины.

– Света, я никого из них не вижу даже в упор. Понимаешь ли ты?

– Нет, не понимаю. Я не верю тебе. С самых первых дней нашей совместной жизни ты не раз с восхищением говорил мне о том, что мечтаешь переспать сразу с несколькими. Ведь это так?

– Да, так, – вызывающе ответил Андрей. – И что в этом особенного? Я мужчина. А все мужчины по своей природе полигамны. Самой природой так заложено, что каждый самец может и должен оплодотворить как можно большее количество самок.

– Андрей, мне тошно тебя слушать. Мы же не приматы.

– А чем, помилуй, приматы хуже нас? У тебя есть скверная черта – ты любишь устроить глупейшую ссору совсем на пустом месте. Ты разве можешь что-то изменить в природе?

– Нет, но нам же, в отличие от приматов, дан разум.

– Да, особенно он дан вам, бабам.

– Почему ты так со мной разговариваешь?

– А как мне с тобой разговаривать, если ты заранее мне хочешь испортить настроение? Вам, бабам, надо всегда докопаться до «правды». Вот и получайте ее на здоровье.

– Ты опять?

– Это ты опять. Будь ты умной, с разумом, как ты говоришь, то обжегшись не раз на этих темах, не стала бы поднимать их вновь. Ведь ты знаешь, как они меня бесят! Ты вновь хотела правды? Я тебе ее скажу. Я мечтаю проводить хоть одну, две ночи в неделю не только в твоём обществе, но и рядом, скажем, с еще какими-то двумя или даже тремя женщинами. И это вовсе не значит, что я тебя не люблю. Я люблю тебя, и ты навсегда остаешься моей. Ты – мать моих детей. Но было бы лучше, если бы ты приняла этот сценарий, ибо я мечтаю, рано или поздно, воплотить его в реальность.

– Андрюша, что ты говоришь!?! – у Светланы дрожал подбородок. – Как ты себе это представляешь?

– Как?! Обыкновенно. Я приглашу сюда к нам девушек, на ночь или две. А может, и на неделю. А ты, в свою очередь, должна будешь молчать, улыбаться и наслаждаться тем, что твой мужчина необыкновенно счастлив. Я так хочу! Понимаешь ли ты? И так будет. И лучше, если ты сразу это примешь. Светка, я – султан по натуре. Понимаешь, султан? Видно, в прошлых жизнях я часто был таковым. А ты всегда рождалась моей женой, либо наложницей. Всегда рождалась для того, чтобы быть моей, подо мной, для меня!

– О господи, по-моему, у тебя мания величия, Андрей!

– Потрогай ЕГО, – он схватил ее за руку. – У меня даже от мыслей об этом, он стоит...

– Как только ты кого-нибудь приведешь в нашу спальню, я сразу уйду из дома! – крикнула она.

– Куда это ты уйдешь? Нет, дорогуша. Ты никуда не уйдешь. Вот дамы эти, в случае чего, могут идти на все четыре стороны. А ты – нет. Ты моя. И я буду тебя ебать самую первую. Тебя всегда – первую. И только потом их. И тоже при тебе. Чтобы ты видела.

– Этого никогда не будет! – ее карие глаза сверкали от злости.

– Будет! Еще как. И ты привыкнешь. Привыкнешь. Я сказал!

Он ухватил ее за руку и подвел к дивану. А там, развернув к себе спиной, опрокинул ничком. Светлана беспомощно качнула руками и клюнула носом в угол круглых плюшевых подлокотников. Придерживая ее одной рукой, второй он стянул с нее коротенькие батистовые панталоны и, раздвинув колени, без подготовки зашел в нее во всю длину. Она вскрикнула и попыталась выгнуться.

– Терпи, кошка. Не выгибайся. Чувствуй мой хуй. Чувствуй, Светонька. Чувствуй его силу. Чувствуй, как я упираюсь тебе в матку. Сейчас ты потечешь... Я же знаю... Вот, уже потекла. Девочка моя. Ты моя! Слышишь?

Она уже не сопротивлялась. Повинуясь природной тяге, она сама поднимала зад выше, опуская плечи и голову ниже.

– Видишь, ты же моя самочка. Как хорошо, ты всякий раз подставляешь мне пиздочку. Она аж вся выворачивается навстречу моему хую. Он у меня сейчас толстый, как болт. Толстый... Длинный. Ты чувствуешь, как он бьет до упора? Говори...

– Да, – хрипела она, придавливаемая его натиском. – Да... – она почти задышалась.

– Да... И ты всегда мне будешь подчиняться. Всегда...

Через несколько минут он почувствовал знакомое сжатие. А потом еще одно. И еще...

– Всякий раз, когда я приказываю, ты должна сама насаживаться на мой хуй. Поняла?

– Поняла-а-а...

– Киса моя... Девочка моя толстопизденская. Как я люблю твой толстенький лобочек.

Мне всегда нравились именно такие лобки.

Одной рукой он залез в ворот ее домашнего платья и ухватил за грудь.

– Развернись, – скомандовал он. – Нет, пойдем лучше в спальню. Мне тут неудобно тянуться.

Он взял ее за руку и поволок в спальню, по дороге снимая с нее домашнее платье и сорочку.

– Когда мы дома одни, не надевай на себя ничего, – с жаром говорил он. – Ты должна всегда встречать меня голой и готовой. А я буду зажимать тебя везде, где захочу. Захотел на кухне – ты должна тут же раздвинуть ноги, прогнуться и дать. Захотел в ванной – даешь в ванной. Захотел за письменным столом или на столе – ты подчиняешься без разговоров.

– Я итак тебе всегда подчиняюсь, – слабо возражала она, закрывая глаза.

– Молчи и слушай, когда я говорю. Или скажи: «Да, мой господин!»

– Ну, Андрюша...

– Не Андрюша, а господин.

– Да...

– Мой господин, – повторяй.

– Мой господин, – эхом ответила она и почувствовала, как его губы жадно впились в ее полураскрытый рот.

А после он долго тискал ее торчащую грудь, зацеловывая и отсасывая до боли соски. Светлана привычно вскрикивала. Вскрикивала она и тогда, когда он, раздвигая слишком широко ее ноги, вновь и вновь вгонял в нее свой раскаленный от желания член.

И совсем уже не вскрикивала, а кричала во все горло она тогда, когда он вводил поочередно в нее пальцы правой руки, постепенно сжимая их в кулак.

– Как я люблю чувствовать тебя на своем кулаке. В таком состоянии ты особенно беспомощна.

Она потеряла счет оргазмам. Время от времени он ласкал ей пальцами и языком клитор, доводя ее до иступления. И лишь тогда, когда спустя долгое время, она была уже почти без чувств, он кончил в нее с рыком, похожим на рык тигра, со словами:

– На!!!!

* * *

Утром он ушел рано, когда она еще спала. Путь от дома до клиники занимал у него немногим более пятнадцати минут. Утро выдалось свежим и душистым. Пахло цветущей сиренью, жасмином, боярышником и клейким тополем. Громко чирикали воробьи. Нежные лучи летнего солнца занимались над столицей.

После бурной ночи любви со Светланой он чувствовал себя как всегда бодро – ужасно хотелось жить и смеяться. Он казался себе, чуть ли не Гераклом, удовлетворившим полсотни дочерей Феспия. Он был вполне доволен и сыт своей любимой и ненаглядной женой. И если бы сейчас, с утра, ему кто-то напомнил о том, что еще накануне вечером он заявлял свои права на владение целым гаремом, в ответ он, вероятнее всего, бы просто рассмеялся. Светлана знала, что все его «султанские» намерения испарялись после каждой их ночи любви. К утру оказывалось, что он вполне сыт одной, любящей его женщиной.

Именно сейчас он шел по утренней Москве и просто, совсем по-человечески чувствовал себя абсолютно счастливым.

Он даже напрочь позабыл о том, что к десяти часам утра за ним должна была приехать важная машина.

Андрей быстро сделал обход в реанимационной палате и остался доволен тем, как шли дела у его выздоравливающих пациентов. А после он сидел в ординаторской и делал записи в карточки.

В дверь постучали.

– Войдите, – буркнул он, не поднимая головы от записей.

Но в кабинет никто не входил.

– Да, входите же, – раздраженно добавил он и вышел из-за стола.

Андрей быстро распахнул дверь и немного растерялся. На пороге стояла его недавняя знакомая Варвара Семеновна Бронш. В этот раз чиновница была одета в темно-синее крепдешиновое платье, отороченное изысканным белым кружевом. Возле горла красовался белый ажурный бант. На черных гофрированных волосах сидела элегантная маленькая шляпка, также белого цвета. Былыми были и новомодные туфли, и маленькая сумочка, и длинные перчатки. Чиновница казалась дивой, сошедшей с обложки парижского журнала мод.

– Андрей Николаевич, ну что же вы? – проворковала чиновница. – Я вас жду возле входа уже больше двадцати минут.

– Ах, да, – спохватился он. – Простите, Варвара Семеновна, я несколько заработался.

– Прощаю, – она прошла в ординаторскую, изящно села напротив и закинула ногу на ногу. – Прощаю, мой дорогой. Как я могу вас не простить?

– Сейчас я соберу бумаги и буду готов, – Андрей старался не смотреть в ее сторону.

– Ну, хорошо. Я жду вас в машине.

Когда он вышел на улицу, то буквально ослеп от глянца и роскоши новенького темно-синего Mercedes-Knight, стоящего напротив входа в больницу.

Стараясь не спешить, Андрей медленно подошел к машине. Задняя дверка распахнулась, и оттуда выглянула Варвара Семеновна.

– Андрей Николаевич, ну что же вы! Садитесь.

Он сел рядом с женщиной на заднее сидение машины. Мерседес взревел и, попыхивая, поехал по Садовому кольцу в сторону Арбата, а после выскочил на Можайское шоссе. Они двигались в поселок Переделкино.

– Андрей Николаевич, пока мы в дороге, я хочу прояснить для себя некоторые моменты, а заодно и ввести вас в курс дела. Итак, – она обворожительно улыбнулась.

– Я слушаю вас внимательно, – твердо произнес Андрей, рассматривая быстро бегущие улицы за окном машины.

– Андрей Николаевич, – вкрадчиво начала Варвара Семеновна, положив узкую смуглую ладонь ему на колено. После чего Андрей удивленно посмотрел на чиновницу. Но руку не убрал. В конце концов, он умел вести себя с дамами, и если дама сама... то... – Андрей Николаевич, – продолжила чиновница, насладившись произведенным эффектом. – Я полагаю, что раз судьба закинула вас в ряды общества «Долой стыд», к самому Радеку, стало быть, вы вполне знакомы с идеями натурализма.

Андрей кивнул.

– А раз так, то вас никак нельзя назвать ханжой. Не только назвать, но и помыслить даже о подобном отклонении.

– Вы угадали, Варвара Семеновна, я далеко не ханжа и вполне знаком с идеями натурализма.

– Я сразу поняла, что не ошиблась в вас. Отчего меня так и тянет нарисовать ваш портрет. В качестве кого вы бы предпочли, чтобы я изобразила вас на холсте?

– В каком смысле?

– О, я люблю изображать свою натуру в разных исторических реалиях. Я, например, могу изобразить вас Гераклом или Самсоном.

– Ну, это уж слишком. Я хоть и подтянут, но не атлет.

– О, это несложно исправить.

– накачать мне огромные бицепсы? – насмешливо произнес Андрей.

– Нет, что вы, – она засмеялась, красиво обнажив зубы. – Исправить прямо на холсте. Пририсовать желаемое.

– Нет, благодарю. Я за правду жизни, – сухо ответил Андрей и вновь отвернулся.

– У, какой вы серьезный и принципиальный... Таким вы мне еще больше нравитесь. Тогда... Тогда я могу вас изобразить, например, в роли турецкого султана, в гареме. И знаете, мне легко организовать всю массовку для данной композиции. Роль султана вам подходит?

– Вполне! – неожиданно для себя хмыкнул Андрей и рассмеялся.

– Я знала. Знала... Мне вообще кажется, что я вас чувствую очень глубоко. Вы не находите, что мы с вами очень похожи?

– В чем, например? – Андрей вызывающе засунул руки в карманы летних брюк.

– Ну, во-первых, мы оба питаемся плодами. Во-вторых, мы оба – не ханжи, и, в-третьих, мы оба творческие натуры.

– Я ремесленник, – обронил Андрей.

– Не прибедняйтесь, Андрей Николаевич. Хороший хирург не имеет права не быть творческой личностью. Если бы это было иначе, то слава о ваших волшебных руках не шла бы по всей Москве. Я слышала, что вы принимаете людей и как костоправ, остеопат и мануальщик. Вправляете позвоночник. О, это вообще очень редкая и ценная специальность. Вы знаете, один мой знакомый художник страдал болями в позвоночнике, и ему посоветовали обратиться к Герберту Аткинсону Баркеру. Вы слышали о нем?

– Да, – кивнул Андрей. – Но он же живет в Англии.

– Именно. Мой друг и ездил к нему в Лондон. И, представляете, доктор буквально возродил его – боли отступили.

– Да, так бывает.

– Вот и вы! Это же очень ценно в наше время. Я только чуточку удивлена, отчего вы не занимаете высокую должность? И не делаете себе карьеру? Тем паче сейчас, когда на базе Странноприимного дома разместились один из корпусов института скорой помощи имени Склифосовского.

– Именно по вышеозначенной причине и не делаю.

– Почему?

– Потому, что я неплохой хирург и костоправ. А любая общественная работа и лишние регалии лишь тешат бесов самолюбия и отвлекают собственно от самой работы.

– Вы... Вы... Просто... У меня нет слов! Теперь я точно влюблена в вас.

– Я женатый человек, Варвара Семеновна.

– Оу, и он мне только что говорил о том, что не ханжа. Что с вами, Андрей Николаевич? Причем тут ваша семья, дети, супруга и ваша личная свобода? Я полагаю, что вас трудно удержать в каких-то моральных рамках. Моральные рамки созданы для идиотов и плебеев. Для пролетариата, – понизив голос, произнесла она.

Он вновь усмехнулся.

«Эк, тебя понесло, милая барышня, – подумал он. – Так ты, бог знает, до чего можешь договориться. Пролетариат – тебе не брат. Жаль, что тебя сейчас не слышат твои партийные товарищи. Слишком много болтаете, госпожа художница...»

Но вслух он ничего не произнес, а лишь слегка улыбнулся.

– Андрей Николаевич, если позволите, то я продолжу. Я сама – человек весьма раскрепощенный. И далека от всяких условностей. Я увлекающийся человек. Я люблю не только живопись, но и литературу, поэзию, музыку. У меня на даче часто играют симфонический или джазовый оркестры. И вальсируют обнаженные пары.

– Даже так?

– Да... А сегодня вечером как раз музыканты и приедут.

– Музыканты у вас тоже обнажены?

– Нет, музыканты у нас, как и положено, во фраках. Обнажены у нас лишь юные девушки. Есть и несколько юношей. Остальные гости раздеваются по желанию. В моем поместье есть озеро и отличный пляж. Именно там все гости чаще всего и бывают обнажены, как в Серебряном бору, у Радека. Часть из них облачается в костюмы к торжественной части или банкету. Часть так и остаются – голышом.

– Позвольте спросить, а кто же все эти обнаженные девушки? Они, часом, не проститутки?

– Нет, что вы! Как вы могли подумать? Проституция в нашей стране давно уничтожена.

– Ой, ли? – хмыкнул Андрей.

– Ну, почти уничтожена. А все эти девушки и юноши – они обычные комсомольцы. Причем, членство в рядах комсомола у нас обязательное условие. В своей обычной жизни они передовики производства – знатные ткачихи, птичницы, поварихи. Да, много кто. Есть у нас и юноши – сталевары. А раздеваются они все лишь по доброй воле, потому, что молоды, красивые, здоровы. И им не к чему стесняться своих тел.

– О, эти речи о пользе наготы и ее моральных оправданиях я слышал уже у Радека и его активистки Зоеньки.

– Ах, Зоенька? – Бронш хищно улыбнулась – Эта глупышка сходит с ума от Радека. Влюблена в него как кошка. А он ее игнорирует, – с деланным сожалением произнесла Варвара Семеновна. – А что может быть хуже для женщины, чем безответность?

– О, есть много чего хуже для женщины, – жестко возразил Андрей.

– Что, например?

– Что? Ну, вот хотя бы ампутация конечностей.

– Ну-уу, Андрей Николаевич, к чему эти крайности?

– Ну, как же к чему? Знаете, сколько рук и ног мне пришлось ампутировать за годы Первой мировой и в Гражданскую? О, это целые кучи конечностей, разорванных снарядами. И были среди них даже конечности в красивых туфельках. Таких, как у вас, например.

Художница потемнела лицом и спешно убрала ноги под сидение.

– Вы знаете, мне потом даже мерещилось все это.

– Что именно?

– А вот эти ноги, руки... здоровых молодых людей.

– Андрей, перестаньте, – она вдруг ухватила его за голову и прижала к себе. – Война давно позади. Не вспоминайте плохое.

Андрей смутился от ее смелого порыва и тихонечко отстранился.

«Что на меня нашло? Почему, когда баба воркует так ладно и сладко, мне всякий раз хочется сказать ей гадость? Идиот. Нашел с кем откровенничать. Небось твой братец на Лубянке сам людей пытается... Все вы одним миром мазаны... Пожалел волк кобылу».

– А вот мы уже и подъезжаем, – радостно возвестила художница. – Раньше здесь было поместье графа Р-кого. Но он уже давно в Париже. А мы вот живем теперь здесь. – Милости просим, Андрей Николаевич!

Перед тем, как покинуть машину, она ухватила его за руку и, задержавшись дольше положенного возле его уха, отдавая жаром влажного дыхания и запахом заморских духов, прошептала:

– Мы с вами договорились? Ничему не удивляйтесь...

* * *

Как довольно быстро понял Кольцов, сие предупреждение носило вовсе неслучайный характер. Удивляться было чему.

Барвара Семеновна подошла к высокому, выше обычного забору, тонкие пальцы, униженные перстнями, нажали на большую кнопку механического звонка. Клавесинная трель прозвучала довольно резко. Андрею показалось, что за воротами, в невидимом до поры «царстве» наркомовской художницы послышались невнятный шум, суета и топот.

– Готовятся к приему, – шепотом сообщила она и улыбнулась чуть надменной, царственной улыбкой.

Перед тем как открылись ворота, Андрей успел заметить, что высокий зеленый забор уходил в бесконечную даль с обеих сторон дачного поселка.

«Ничего себе, – внутренне подивился Кольцов, – это какая же была усадьба у бывших помещиков, сбжавших в Париж? А может и расстрелянных? И что, теперь вся эта необъятная территория принадлежит этой номенклатурной штучке? Да по вам, товарищ Бронш, плачет повторная экспроприация. Экспроприация, и еще раз экспроприация, – мысленно грассируя как вождь, повторил про себя Кольцов».

Внезапно двери распахнулись, раздался скрежет грампластинки, и из репродуктора, установленного на высоком столбе, понеслась до боли знакомая мелодия «Марша авиаторов».

Мы рождены, чтоб сказку сделать былью,
Преодолеть пространство и простор,
Нам разум дал стальные руки-крылья,
А вместо сердца – пламенный мотор.

Всё выше и выше, и выше
Стремим мы полёт наших птиц,
И в каждом пропеллере дышит
Спокойствие наших границ.

Под эту популярную музыку Барвара Семеновна ухватила нашего героя под руку и ввела в чертоги своего загадочного «царства». Прямо от ворот, в неведомую перспективу, скрываю-

щуюся в облаке зелени, шла широкая парковая аллея, огороженная с обеих сторон крепкими соснами и пирамидальными тополями. За ними простирался довольно густой смешанный лес, сквозь который не было видно ни одного строения. Лишь справа, как показалось Андрею, едва заметной полоской проступила голубизна далекой реки или озера. Из-за яркого солнца Андрей не смог рассмотреть хорошенько все детали.

Под ногами что-то хрустнуло. Андрей опустил голову и увидел белую мраморную крошку. Щедрым ковром она покрывала собой всю широкую и длинную дорожку, идущую от ворот. Но главным было не это...

По обеим сторонам от дорожки, уходя вдаль, тут и там стояли такие же белые и довольно монументальные мраморные постаменты. На этих постаментах красовались гипсовые скульптуры. Первой шла скульптура девушки с веслом – такие гипсовые девушки совсем недавно стали появляться в столице. Они всегда привлекали нашего героя некой несуразностью – античные пропорции женских фигур сочетались с вполне советскими атрибутами новой жизни. По замыслу советских скульпторов, гипсовые дивы всякий раз держали в руках весла, молотки, метательные диски или серпы. А иногда, при явной наготе и откровенности форм, эти советские богини вдруг изображались заинтересованными читательницами. Пудовые книги покоились на их мощных и не по-женски крепких руках. Андрея забавляли новые веяния советского изобразительного искусства.

Вот и сейчас он с явным изумлением уставился на образ девушки с длинным веслом. Скульптура поразила его мощными и сильными ногами и довольно крупными алебастровыми ягодицами. Он посмотрел пристальнее. Со скульптурой было явно что-то не так... И тут его осенило. С гипсового лица на него смотрели совсем живые, озорные и лукавые девичьи глаза.

– Подождите, товарищ Бронш, она что, разве живая? – Андрей поперхнулся от удивления и отступил назад. – Полно вам меня морочить. Это же живая девушка!

Варвара Семеновна подавила в себе едва заметную улыбку и сделала нарочито строгое лицо. Андрей двигался по аллее и еще с большим удивлением рассматривал скульптуры. Да, все они были живыми. За девушкой с веслом шла не менее аппетитная девушка с диском. Казалось, она присела для того, чтобы метнуть сей спортивный снаряд. Ее сильные ноги дрожали от напряжения. Девушка едва удерживала равновесие на высокой мраморной тумбе. Андрей поспешил далее, дабы несчастная смогла переменить позу. После нее шла скульптура рабочего. Это был обнаженный юноша с доменными щипцами, в рабочей спецовке и маской на лице. Следующий постамент приютил у себя метателя молота. У него была довольно мощная фигура атлета с хорошо очерченными мышцами рук и ног. Обнаженные гениталии были прикрыты загипсованной марлей, ловко замаскированной под общий тон белой кожи.

Да, все фигуры на этой аллее были живыми! Их выдавали живые глаза и едва заметное шевеление пальцев рук или ног, а иногда и легкое раскачивание фигур.

Далее пошли «пионеры» с горнами и целые композиции «строителей социалистического государства». Многие из них были полностью обнажены и густо измазаны гипсом. Даже их волосы казались неживыми.

– Варвара Семеновна, вы умеете удивить, – усмехнулся Андрей. – Но, простите, зачем? Что за нелепая инсталляция? Прикажите им расслабиться и смыть все эти белила. Я полагаю, что стоять в таком виде на солнце не очень-то полезно.

– Потерпят, – с неожиданным холодом произнесла чиновница. – Андрей Николаевич, смею заметить, что все это представление организовано по личной инициативе нашей комсомольской спортивной секции. Все эти люди – спортсмены. Их никто не неволит. Именно так они довольно часто выступают на выездных концертах. А то – прикажите! Придумали тоже... Я не помещица, и крепостное право у нас отменили еще в прошлом веке. Все мои гости исполняют свои роли лишь по собственному и искреннему желанию. Я лишь хотела вас удивить и порадовать.

– И вам это удалось, – сухо кивнул Андрей и вежливо улыбнулся.

– Вы же цените красоту человеческого тела, атлетическое сложение. Ведь, правда, они хороши?

– Да, очень. Мне просто показалось, что гипс, краска и тело – это не вполне гигиенично. Может быть зуд, сыпь.

– Да-да, в вас сейчас доктор говорит. А вы посмотрите на все это с эстетической точки зрения. Я художник, Андрей Николаевич. И я люблю новые формы художественного выражения. Авангард, постимпрессионизм, модерн, символизм, экспрессию. Я люблю эпатировать. Привыкайте...

Андрей усмехнулся. – И потом я же предупредила вас о том, чтобы вы старались ничему не удивляться.

– Я постараюсь...

«А чего ты, собственно, бунтуешь, дружок? – подумал Кольцов. – Воротишь нос от буржуйских забав нэпманских чинуш. Раз уж назвался груздем, то полезай в общий кузов. Вкуси, так сказать, все прелести разом. То ли еще будет...»

– То ли еще будет, – вторя его мыслям, словно дьяволица, произнесла товарищ Бронш и хищно улыбнулась.

Когда Варвара Семеновна и Андрей дошли до конца аллеи, сквозь высокие кусты сирени показался абрис трехэтажной усадьбы.

– Сейчас я познакомлю вас с моим милым лесным гнездышком. И мы с вами, Андрей Николаевич, отобедаем в небольшом кругу моих знакомых. Остальные же гости соберутся ближе к вечеру. А вы пока отдохнете, искупаетесь в моем озере.

– Благодарю, Варвара Семеновна. Но не стоит хлопотать по поводу обеда. Я вовсе не голоден.

– Зато я голодна! – она, шутя, щелкнула белыми зубами. – А вы просто составите мне компанию.

Перед тем как свернуть с основной аллеи на боковую, ведущую к усадьбе, Андрей оглянулся назад – все мраморные тумбы теперь были пусты – скульптуры исчезли, будто их и не было.

«Наверное ускакали в лес резвыми козликами», – веселясь, подумал Андрей.

– Кстати, к осени мне завезут сюда коллекцию античных статуй из одной помещичьей усадьбы. Сейчас их реставрирует мой знакомый скульптур. Так что, сия инсталляция была лишь моей временной забавой.

Из репродукторов теперь неслась другая, так хорошо знакомая Андрею песня:

Наш паровоз, вперед лети!
В Коммуне остановка,
Иного нет у нас пути,
В руках у нас винтовка.

* * *

«Лесное гнездышко» художницы напоминало собой лучшие образцы поместий, построенных в середине прошлого века. Это было огромное трехэтажное здание с белым треугольным фронтоном и четырьмя мощными колоннами, расположенными на довольно просторном мраморном портике. Ниже шла широкая лестница с золочеными перилами. Сам фронтон был украшен античными скульптурами, изображающими Фемиду, с завязанными глазами и знаковыми весами в руках.

«Может, в этой усадьбе жил кто-то из царских судей, – мимоходом подумал Андрей. – Уж больно все торжественно».

От его внимательного взгляда не ускользнуло и то, что, судя по всему, сие здание совсем недавно было подвергнуто тщательнейшему ремонту, а возможно, и реставрации. Казалось, что сам воздух еще наполнен запахом свежих белил, известки и струганных досок. Стены здания были окрашены в нежно фисташковый цвет. И это сочетание с белым фронтоном, белыми витиеватыми капителями, фигурными карнизами с лепниной, белой балюстрадой между вторым и третьим этажами, вазонами, аттиком, белыми стрельчатыми окнами – создавало ошеломительный эффект роскоши и какого-то почти царственного великолепия.

– Да-с... – Андрей, задрав голову, рассматривал «лесное гнездышко» чиновницы.

– Красиво? – не без гордости, спросила его Варвара Семеновна.

– Впечатляет. Я, действительно, удивлен.

– Ах, не удивляйтесь, mon amie, – с улыбкой произнесла хозяйка и незаметно прикоснулась к ладони Андрея.

– Из вашей усадьбы, Варвара Семеновна вышел бы отличный клуб для отдыха лучших передовиков производства, – покачал головой Андрей.

– Вы правы, – с улыбкой, стараясь выглядеть невозмутимо, согласилась она. – Официально усадьба и оформлена, как дача отдыха для творческой интеллигенции.

А после, немного помолчав, добавила.

– Вы знаете, Андрей Николаевич, именно таким я вас себе и представляла.

– Каким?

– Немного дерзким, непокорным, имеющим на все свое мнение. Редкий гость бы посмел мне сказать нечто подобное.

– Да?

– Да, – кивнула она. – Здесь все меня очень боятся. Почти раболепствуют. Скажу по секрету, что еще сильнее они боятся моего родного брата.

– Вот как? А он что у вас занимается людоедством? – не унимался Кольцов.

Варвара Семеновна рассмеялась, красиво запрокинув голову. Правая рука стянула белую шляпку. Она наклонилась и сорвала колосок. Темная прядь упала ей на высокий лоб.

– Вы что, и вправду не знаете, кем работает мой брат?

– Даже не представляю, – не моргнув, соврал Андрей.

– Он работает на Лубянке, большим начальником.

– Вот как? И именно поэтому я тоже должен его бояться?

– Нет, что вы, вам вовсе нечего бояться. Тем паче, что вы мой гость, и тем паче, что я настолько к вам неравнодушна.

Андрей сделал вид, что не заметил последнюю фразу. Женщина смущенно рассмеялась.

– А о брате моем и вправду ходит много нелепейших слухов. Поговаривают, что даже в нашем доме у него есть особая комната в подвале, где его сотрудники из ОГПУ допрашивают людей.

– А она таки есть?

– И вы туда же, Андрей Николаевич! – со смешливым упреком произнесла чиновница и кокетливо погрозила Андрею пальцем. – Что находится в моем гостеприимном доме, я вам все-таки покажу. Немедленно идемте.

Она потянула Андрея за руку и повела к ступеням.

«Нет, и все-таки она не в моем вкусе, – подумал он. – Уж слишком subtilna – ни задницы, ни ляжек, ни титек...»

Теперь ее маленькая сухая ладошка на вполне законных, казалось бы, основаниях крепко держала руку Андрея.

– Идемте!

Она толкнула высокую дубовую дверь, покрытую отличным яхтенным лаком, ипустила Андрея в огромный холл. Здесь было очень светло – яркие брызги солнечных лучей текли из высоких боковых окон и окон, расположенных с противоположной стороны дома. На полу красивым узором лежал глянцевый, начищенный до блеска паркет. С двух сторон от холла шли широкие лестницы, очевидно ведущие на второй этаж здания и выше. Прямо от порога стелилась красная ковровая дорожка, доходящая до самой стены. А на стене, лицом к каждому входящему, располагалось огромное полотно, на котором был изображен улыбающийся немного лукавой улыбкой вождь пролетариата – Владимир Ульянов (Ленин) в своей неизменной кепке и с легким прищуром татарских глаз.

Прямо под портретом возвышались два беломраморных вазона с охапками свежих гвоздик, доставленных из подмосковной цветочной оранжереи. Рядом с вазонами стояли двое юношей в пионерских галстуках. Судя по атлетическим фигурам, эти «стражи» давно вышли из пионерского возраста. Как только хозяйка усадьбы вместе с Андреем подошли к портрету, караульные с невозмутимым видом, по-пионерски, салютовали гостю и хозяйке.

Варвара хитро улыбнулась. Андрей успел заметить, что под короткими штанишками молодых людей выступали крепкие, покрытые волосами, мужские ноги.

Андрею становилось весело.

«То ли вы, мадам, столь умны и лукавы, что так ловко превращаете обедню в фарс, – рассуждал Кольцов. – То ли? Ну нет, не можете же вы всерьез, да вот так... Хотя...»

Он любил наблюдать за поведением современных совбуров и представителей новой власти. Среди них попадались весьма оригинальные личности – великолепно образованные, талантливые и легко приспосабливающиеся к новым условиям. Те, кто не умел лицедействовать, давно уехали в Стамбулы, Сингапуры и Парижи. И жили там, отчаянно ностальгирую по утраченной навсегда России. А те, кто умел держать фигу в кармане и искусно лгать, остались на родине. И теперь, казалось, были вполне счастливы. Новые приспособленцы, родом из царской России.

– Этот портрет Ильича написал мой хороший друг, художник С-кий. Ему хорошо удается образ вождя. Вы не находите, Андрей Николаевич?

– Да, мне кажется, что весьма похоже на оригинал, – с важным видом, заложив руки за спину, отвечивал Кольцов.

– Пойдемте, нас с вами ждет прекрасный обед. И я познакомлю вас с моими друзьями.

Варвара Семеновна взяла Андрея под руку и повела его в сторону от одной из боковых лестниц. Прямо за ней шли двойные двери, ведущие в огромный обеденный зал. Стены этого зала были окрашены в нежно-лимонный цвет. В этом помещении царила совсем иная обстановка, нежели в политически конъюнктурном холле. Андрею показалось, что он, словно по мановению волшебной палочки, переместился в век, эдак, восемнадцатый. Стиль этого зала нес в себе элементы классицизма и рококо. Уж не сам ли Антонио Ринальди мог ваять нечто подобное? Этот зал напомнил Андрею интерьеры Гатчинского замка или Версаль. Лимонные стены были украшены белыми картушами с умопомрачительными рокайлями и растительными завитками. Центральное панно изображало собой Венеру в окружении множества толстых купидонов. Огромные окна были занавешены бархатными портьерами горохового цвета, перевитыми золотистыми кистями. Меж портьерами трепетал от ветра тонкий белоснежный тюль.

Посередине зала располагался стол овальной формы, покрытый накрахмаленной скатертью. В середине стола возвышалась фарфоровая ваза с белыми розами. Стол был сервирован изящными тарелками, явно из императорских коллекций, и хрустальными фужерами. Тут же стояли кувшины с вином и ваза с фруктами, другая ваза была наполнена свежими ягодами клубники.

Андрей немного растерялся от всего этого великолепия. Но еще больше он растерялся от вида господ, восседавших за столом.

– Познакомьтесь, товарищи, это мой новый друг, доктор Кольцов Андрей Николаевич. Он работает при институте Скорой помощи имени Склифосовского. Он врачует многие недуги. Слава о его таланте идет не только по столице, но и за ее пределами. Скажу больше – к нему едут оперироваться наши товарищи из Парижского и Цюрихского отделения Коминтерна. Он в самом зените своей славы, а еще так молод.

– Варвара Семеновна, ну это уж слишком, – Кольцов покраснел.

– Не скромничайте, мой друг. Я знаю, каким трудом достается подобная слава.

Хозяйка подвела Андрея ближе к столу.

– А теперь я хочу вас познакомить с моими друзьями. Разрешите вам представить Валентину Петровну Кривошеину. Она у нас настоящий командир в юбке. Во время Гражданской командовала несколькими боевыми отрядами. Воевала наравне с мужчинами. Имеет награды от самого Буденного. Ныне работает в комиссии по борьбе с беспризорностью.

Из-за стола привстала женщина лет сорока, с широким лицом и тяжелым взглядом из-под кустистых бровей. Короткие светлые волосы были зачесаны назад и убраны под костяную гребенку. Мужские скулы, короткий толстый нос, тонкие, плотно сжатые губы – все это выдавало в ней женщину решительную и с характером. Андрей боялся именно таких женщин. Они казались ему несуразными мужичками, могущими сломать любую человеческую судьбу. Торс этой мужебабы был облачен в кожаный пиджак с ремнями, с которым она, по-видимому, не желала расставаться даже в июньскую жару. Андрей не удивился бы, если бы эта грубая на вид мадам, вдруг вытащила из кобуры маузер и, повелевая им, поставила бы всех к стенке.

Валентина Петровна, вопреки ужасным фантазиям нашего героя, расплылась в некотором подобии улыбки, похожей на улыбку сытого крокодила, и протянула к Андрею руку для знакомства. Андрей постарался сжать командирскую ладонь как можно крепче и тоже улыбнулся в ответ. Но предательская испарина таки проступила на его холодном лбу.

Недалеко от командирши располагался невысокий лысый господин, одетый в малоросскую расшитую рубашку навыпуск, с живым, чуть насмешливым лицом и еврейскими выпуклыми глазами. Рядом с ним, судя по всему, сидела его жена. Это была высокая худощавая особа в скромном темно-синем платье. Время от времени она что-то шептала супругу на ухо, делая страшные глаза и шикая на него. Со стороны это выглядело так, словно бы она одергивала шаловливого ребенка. А ребенок продолжал гримасничать и баловаться за столом. Чопорная супруга этого странного господина имела обиженное, почти унылое лицо. Она была откровенно некрасива и болезненно бледна, и, видимо, стеснялась своей внешности.

– Познакомьтесь, Андрей Николаевич, это товарищ Кацман Арон Самуилович и его супруга Сара Яковлевна. Совсем недавно товарищ Кацман назначен директором Сандунов. Кстати, вы любите баню?

– Скорее нет, – сухо отвечал Андрей.

– А это вы напрасно, молодой человек, – грассируя, скороговоркой, произнес директор Сандунов. – Я приглашаю вас к себе и покажу вам, что есть настоящая русская баня.

«Где ты, и где русская баня? – внезапно подумал Андрей, но вслух ничего не произнес. – И что вы все, как один, картавите? Мода у вас такая, что ли?»

– В московских Сандунах, знаете ли, не только купеческий русский дух присутствует, а и эклектика западноевропейской роскоши, античности и восточного стиля, – похвастался банщик. – Мрамор у нас из Италии, плитка из Германии и Англии. Настоящий шик. А какие у нас залы! Мавританский, неорококо, римский. Милости прошу вас к нам, в Сандуны. Уж мы вас попарим, Андрей Николаевич, на славу.

– Благодарю.

– Андрей Николаевич у нас знаком с идеями натурализма, а потому, я полагаю, Арон Самуилович, мы таки непременно посетим ваши роскошные залы.

– Конечно, Варвара Семеновна. А я угощу вас прекраснейшим пивом и свежими раками. Есть у нас и икорка, и омары.

Слева от банщика сидел высокий худошавый брюнет с довольно привлекательными, почти испанскими чертами породистого лица. Одет брюнет был в темный импортный костюм. Прямо за столом он курил дорогую сигару. И был представлен Андрею, как некий Луи, поэт, который совсем недавно вернулся из Мадрида. Луи не произнес ни слова, а только скользнул по Андрею смолью иссиня черных глаз и коротко кивнул. На противоположной от Луи стороне развалился абсолютно рыжий господин в светлой паре и, наклонившись к бокалу, цедил красное вино.

– А это наш дорогой Ромочка. Он лучший художник-символист и футурист. Только слишком много пьет, и когда-нибудь пропьет-таки свой уникальный талант, – последние слова Варвара Семеновна произнесла чуть громче и веселее. Они явно были адресованы пьяному художнику.

Ромочка откинулся на спинку роскошного стула и вызывающе посмотрел на хозяйку.

– Да, пью и что с того? Я полная бездарность, знаете ли, – в мутных глазах плескались обида и неподдельная боль.

– Ну, начинается, – протянула Бронш. – Не обращайтесь внимания на Ромочкину самокритику. Он очень талантлив. А вина я вам, Роман Петрович, сегодня более не дам!

– И это будет несправедливо! – вскинулся художник. – Чем я хуже других? Ее, его, их? – он бесцеремонно тыкал на гостей коротким пальцем, но те почти не смотрели в его сторону.

Андрей сделал вывод, что пьянство этого господина для всех собравшихся было делом привычным.

Пьяненький Ромочка уронил рыжую голову на руки. А после вновь приподнял ее и изрек:

– Вы ошибаетесь, Варварочка, я все-таки бездарь. Вот Вовка Маяковский – он гений. Он и как поэт гениален и как художник не плох.

– Я не люблю Маяковского как художника, – отозвалась полная блондинка, лет тридцати, в розовом блестящем платье, с голыми руками и откровенным декольте, отороченном страусиными перьями. – Мне кажется, что как художник, он откровенно слаб.

– Позвольте, а вы видели его футуристические картины? – не унимался Ромочка.

– Видела и что с того? – затынулась пахитоской дама. – Чушь! Ваяют они там с Лилечкой какую-то белиберду. Лозунги одни.

– Это для вас, папуасов, сие белиберда! – откровенно хамил Ромочка блондинке.

Но, судя по всему, ее не коробило подобное поведение рыжего художника.

– По мне, так каждый должен заниматься своим делом. И если ты пишешь недурственные стишата, то и продолжай их писать, – она улыбнулась вызывающей улыбкой, моргнула длинными ресницами и вновь затынулась пахитоской.

– Да, что вы понимаете в живописи, Розалия Платоновна? Вы лучше бы помолчали, а?

– Понимаю не меньше вашего, товарищ Худейкин.

– А может, хватит? – вдруг громче других произнес седовласый господин в строгом фраке, похожий на итальянского мафиози. – Варвара, прикажи подавать обед. Иначе наш гость сойдет с ума от их вечных споров.

– Минутку, Виктор, – проворковала Варвара Семеновна. – Андрей Николаевич, эту прекрасную даму зовут Розалия Платоновна. Она работает в Наркомторге.

Дама вновь улыбнулась какой-то деланной и несколько глуповатой улыбкой и протянула Андрею обе руки для поцелуя.

Андрей не стал целовать ее руки, а лишь взял одну из полных ладошек и слегка пожал ее.

– А это как раз и есть мой брат. Его зовут Виктор Семенович, – произнесла Бронш, представляя Андрею седовласого господина, похожего на мафиози.

Огпушник довольно пристально посмотрел в синие глаза Андрея. Но Андрей выдержал его прямой взгляд и пожал ему руку.

«Надо же, – подумал Андрей. – И этот товарищ с Лубянки тоже здесь. Грозный огпушник... Мило! Отчего же он не в форме? Разделся во фрак. Фигляр! Все здесь дешевые фигляры. Вот же в какую компашку я угодил».

Меж тем Андрей тоже сел за стол. На противоположном конце огромного зала распахнулись лаковые дубовые двери, и в комнату вошли два напомаженных официанта. Каждый из них толкал перед собой передвижной столик, уставленный разнообразными блюдами.

– Андрей Николаевич, – хозяйка, расположившаяся рядом, наклонилась к нему черноволосую голову. – Здесь вегетарианцы лишь мы с вами. Остальные гости довольно охочи до скромного. А потому, не удивляйтесь изобилию наших гастрономических изысков. Надеюсь, что лицемерие на вкушение пищи иного свойства не доставит вам сколько бы значимый душевный и физический дискомфорт.

– Что вы, – с улыбкой перебил ее Андрей – Я довольно терпим ко вкусам других.

– А нам с вами сейчас принесут фруктов, ягод, и я заказала ячменных и кукурузных лепешек. Еще мы с вами выпьем немного итальянского и грузинского вина. Хорошо?

– Хорошо, но вот только вино... Если честно, то я не большой любитель винопития. Скажем откровенно, вина я почти не пью. Считаю его вредным. Ведь это же не более чем продукт брожения. Куда лучше просто виноградный сок.

– У меня очень хорошее вино. И ради нашего знакомства и знакомства с моими друзьями, вы просто обязаны выпить. Ну, чуть-чуть, – Варвара улыбнулась милой улыбкой.

Официанты подвозили к столу разнообразные блюда. Были здесь и поросенок с зеленью и хреном, и жареные пирожки, и мясные паштеты, и рыбный галантир, и белые грибы, и устрицы и омары, и паюсная икра. От обилия закусок у Андрея разбежались глаза. Вот он гастрономический рай нэпманов, думал Кольцов. И где же ваши «ешь ананасы, рябчиков жуи – день твой последний приходит, буржуй»? Что-то не похоже, господа-товарищи, чтобы вы постились, аки пролетарии.

Он сам, поглядывая на аппетиты гостей, скромно ел спелую клубнику и персики, закусывая все это хрустящими, еще теплыми лепешками.

Красивый брюнет, испанских кровей, изящно резавший серебряным ножом сочной отбивной, с легкой надменной усмешкой посматривал в сторону Андрея. Весь его взгляд красноречиво говорил о том, что он не одобряет вегетарианских привычек нового гостя.

Призывно булькнуло по бокалам красное вино, запахло терпкой вишней и виноградом сорта «Изабелла».

– Товарищи, я предлагаю выпить за моего нового гостя, доктора Кольцова. Прошу теперь его любить и жаловать.

Гости подняли бокалы и приветливо посмотрели на Андрея. Даже товарищ с Лубянки, как показалось Кольцову, смотрел на него с откровенной симпатией. После второго бокала по телу Андрея разлилось приятное тепло. Захотелось шутить, танцевать и радоваться. Официант подошел к круглому столику, стоявшему возле окна, и завел новенький английский патефон. По залу потек обворожительный и певучий речитатив Вертинского:

Ваши пальцы пахнут ладаном,
А в ресницах спит печаль.
Ничего теперь не надо нам,
Никого теперь не жаль.

И когда весенней вестницей
Вы пойдете в синий край,
Сам Господь по белой лестнице
Поведе Вас в светлый рай.

Андрей любил Вертинского. А потом зазвучала песня «Лиловый негр»:

Где Вы теперь? Кто Вам целует пальцы?
Куда ушел Ваш китайченочек Ли?
Вы кажется потом любили португальца?
А может быть с малайцем Вы ушли...

В последний раз я видел Вас так близко,
В пролете улицы умчало Вас авто...
Мне снилось, что теперь в притонах Сан-Франциско
Лиловый негр вам подает манто...

Из-за вина Андрею все стало казаться близким, красивым и словно наполненным каким-то глубоким смыслом. Даже чавкающая блондинка из Наркомторга, с аппетитом уплетающая жирный кусок поросенка, не казалось ему отвратительной в своем природном варварстве.

Рыжий художник давно спал на бархатном диване, расположенном в углу обеденного зала. Никто из гостей на него не обращал уже ровно никакого внимания.

Изрядно закусив и выпив, гости принялись танцевать под песни Вертинского. Брюнет танцевал с Розалией Платоновной, оглушник Виктор пригласил на танец коренастую командиршу в кожаном пиджаке. Директору из Сандунов пришлось уныло топтаться возле собственной супруги, которая оказалась выше своего мужа на целую голову. От этого она сутулилась и выглядела весьма неуклюже. Андрей, как и ожидалось, пригласил на танец Варвару Семеновну. Пальцы ощутили тонкую талию, скрытую под шершавым крепдешинном. Варвара прижималась к нему всем телом. Андрей вновь почувствовал аромат ее заморских духов. Ему показалось, что когда-то он уже вдыхал этот запах. Похоже, это было в Париже. Да! Он вспомнил его. Эти духи назывались "Ньют де Ноэль"² ("Рождественская ночь"). Это был новый, совершенно фантастический аромат от Caron. Он тогда не успел купить его для Светланы и очень сожалел об этом. Острые и терпкие духи. В них слышался запах землистой горечи ветивера и белых гвоздик – свежих, влажных, очень холодных. Они контрастом обволакивали сладость конфетного иланг-иланга, индольного жасмина и великолепного сандала...

О, боже, куда меня несет, думал он. Я тоже становлюсь поэтом. Холодные гвоздики, иланг-иланг. Что с тобой, Кольцов? Из каких ассоциаций лезет это все? Ирма? Нет, черт! Только не она. И бог с ней. Светка? От Светки всегда пахнет вкусно. Никто не пахнет так, как Светка. Надо будет купить ей в подарок духи. В Париже. Эти или другие.

– У вас хорошие духи, – неожиданно для себя, произнес Андрей, глядя в глаза Варваре.

– Я знала, что вы оцените.

– Я помню их. Имел удовольствие познакомиться с этим ароматом на выставке в Париже, в отделе дамских туалетов.

– Вот как? – она улыбнулась.

– Да, это "Ньют де Ноэль". Я угадал?

² «Nuit de Noel» от «Caron» – это знаменитый аромат для женщин, принадлежит к группе ароматов восточные цветочные. Выпущен в 1922. Парфюмер: Ernest Daltroff. Один из тех ароматов, которые безоговорочно составляют золотой фонд парфюмерного искусства. Эти духи упоминает в своих стихах А. Вертинский, называя их «злыми духами». По его воспоминаниям этим ароматом был пропитан весь Париж.

– Да, вы правы.

Из граммофона полилось аргентинское танго. Теперь он решительно вел ее по залу.

– Мне говорили, что вы великолепный танцор, – чуть задыхаясь, произнесла Варвара.

– Вам ввали...

– А еще мне говорили, что вы хорошо пишете пейзажи.

– Вранье...

– А еще мне говорили, что вы – отличный музыкант и хорошо играете на флейте.

– И это неправда...

Андрей изящными движениями производил основные шаги в танго – очо кортадо. И это получалось у него так непринужденно и красиво, что брюнет из Мадрида теперь смотрел на него с откровенным восхищением.

Шаг и снова шаг-падение, прерванный шаг, траспье, очос вперед, очос назад...

Перед окончанием танца он сделал зажигательную волькаду. А после и решительную кебраду – привлек Варвару к себе, усадил в глубокий выпад, и прогнул назад. Звуки танго стихли.

Вокруг раздалась аплодисменты.

– Вы очень искусны в танце, – произнес оглушник.

– Благодарю, – Андрей скромно кивнул и довел Варвару Семеновну до ее места.

Варвара вся покраснелась, карие глаза потемнели. Женщина прерывисто дышала и смотрела на нашего героя откровенно влюбленным взглядом.

Обед незаметно шел к концу, голову окутывала легкая дрема. Чуть отстраненно Андрей слышал смех розовой блондинки и красивого идадьго. Седовласый мафиози куда-то исчез. А командирша, подперев квадратную щеку, уныло смотрела перед собой и машинально тыкала серебряной вилкой по соленому груздю. Рыжий художник все также похрапывал в углу. А банщик со своей сутулой женой подались на прогулку.

– Возможно, вас чуточку смутили мои гости, – проговорила Варвара, доставая папиросу из серебряного портсигара. – Вы не против, если я закурю?

– Как я могу быть против, Варвара Семеновна? Вы здесь хозяйка, а спрашиваете о таком пустяке. Что касается гостей, то меня мало чем можно смутить. И потом, я нахожу всех ваших друзей довольно интересными личностями.

– Да?

– Вполне.

– Они и вправду довольно забавны – каждый из них, – Бронш затянулась ароматной папиросой. – Правда, их трудно назвать друзьями. Друзей у меня почти нет. Это, скорее, приятели. И потом несколько моих самых близких приятелей подъедут только к вечеру.

– А вот как врач, я бы вам рекомендовал со временем отказаться от курения. Я полагаю, что смолы, находящиеся в табаке, могут некоторым образом сгущать кровь. А вам при вашей склонности к тромбозу...

– Ах, оставьте. Сейчас не надо о моем тромбозе, которого у меня пока еще нет.

– Хорошо, как скажете, – Андрей улыбнулся.

– Вы, верно, устали?

– Не сильно. Просто жара, обед. Вино... Сейчас пройдет.

– Пойдемте, я покажу вам свою мастерскую и картинную галерею.

– Пойдемте, – Андрей встал из-за стола.

Они вышли в большой холл и стали подниматься по ступеням на второй этаж.

– Вы знаете, у меня здесь бывают поэты и художники. Часто Маяковский с Бриками, Есенин бывал пару раз. Андрей Белый, Вячеслав Иванов, Игорь Северянин, Василий Каменский. Из художников бывал Александр Бенуа. Вы не видели его новый альбом «Версаль»? Акварели с текстом. Очень интересная работа.

Андрей кивнул.

– Бывал Добужинский Мстислав. Он отличный иллюстратор Пушкина и Лермонтова. Бывает здесь и Боря Кустодиев и Василий Кандинский, супрематист Малевич. Да, много кто еще. Скульптор Мухина Вера Игнатьевна, художница Серебрякова Зинаида.

Пока они медленно поднимались по лестнице, откуда-то с галереи второго или третьего этажа, навстречу им пронеслась бледная супруга главного банщика из Сандунов. По ее лицу было видно, что она плакала. Она всхлипывала и трубно сморкалась в большой клетчатый платок.

– Сарочка, что с вами? Что-то случилось? – участливо спросила Варвара Семеновна, пытаясь остановить женщину за руку, но та еще пуще залилась слезами и, замотав головой, украшенной нелепой черной шляпкой с вуалеткой, убежала вниз по лестнице.

– Что с ней? – поинтересовался Андрей.

– Les querelles de famille³, – насмешливо произнесла Бронш и пожала плечами. – Вот отчего я не желаю выходить замуж.

– Вы ни разу не были замужем? – бесцеремонно поинтересовался Кольцов.

– Была, но недолго. Это была моя первая любовь. Вы будете смеяться, но мой супруг считался в те годы довольно талантливым поэтом. Притом он был писанным красавцем.

– У вас его фамилия?

– Нет, что вы. Я не взяла его фамилию. Мне нравится фамилия моего отца.

– Ну, и отчего же вы расстались?

– О, в этой истории было все так тривиально. Две творческие личности редко уживаются под одной крышей. Мы прожили всего два года, ссорясь каждый божий день. А потом он пристрастился к вину и картам. И я ушла от него. Мне было тогда всего двадцать. Но даже теперь я ничуть не жалею, что рассталась с этим человеком. Он навсегда отбил мне желание выходить замуж.

– Печально...

– Да, я знаю, что вы женаты.

– Женат.

– Вы счастливы в супружестве?

– Вполне, – улыбнулся Андрей.

Варвара Семеновна тоже улыбнулась, но глаза ее не улыбались. В этот момент они показались ему особенно холодными и какими-то колючими. Она прошла чуть вперед, цокая каблучками белых туфель.

Перед нашим героем открылся не менее великолепный второй этаж здания с огромным залом, оформленным, как и обеденный, в стиле классицизма и рококо. Стены второго этажа были окрашены в нежно бирюзовый цвет. Здесь было много позолоты и жемчужного глянца. Огромные панно и витиеватые картуши украшали образы обнаженных нимф и сатиров.

«Да, видимо, портрет вождя на первом этаже – это не более чем китч или дань конъюнктурным традициям, – с раздражением думал Андрей. Хмель давно выветрился из его головы и ныне он взирал на все более трезво: – Большая часть этого «скромного лесного гнездышка» – не что иное, как настоящий Версальский замок. Да уж, хорошо устроились, товарищ Бронш, чиновница из Наркомпроса. И нет на вас управы. А тот, чей портрет висит на первом этаже, до вас теперь уже не доберется. А жаль. Хотя, чего это я так разозлился? Уж не зависть ли это? Смешно. Завидовать всем эти побрякушкам, глянцу и нафталину? Увольте. Как говорил Бальзак: «За каждым богатством кроется преступление»».

– Вот, здесь и находится моя картинная галерея, – продолжала ворковать Бронш, не догадываясь об экспроприаторских настроениях своего гостя. – Весь второй этаж и почти все

³ Семейные ссоры. (франц.)

гостиные, и комнаты для отдыха заполнены картинами лучших мировых живописцев. У меня даже есть несколько работ восемнадцатого века и одна шестнадцатого. Есть такой фламандский художник Хуан де Фландес. Одна его малоизвестная работа – это настоящий бриллиант моей коллекции. Есть несколько картин малых голландцев семнадцатого века. Франца Хальса и Яна Стена.

– Даже так? – Андрей присвистнул. – Да, у вас тут целая Третьяковка.

– Мы с братом собираем эти картины уже давно. Еще до революции я начала собирать свою коллекцию. Правда, в Гражданскую мне пришлось продать пару работ, чтобы хоть как-то выжить. Зато сейчас...

– Что сейчас?

– Сейчас все иначе, – самодовольно отозвалась Бронш. – И кроме тех отечественных фамилий, что я вам уже перечислила, а каждый из моих гостей непременно дарил мне хоть одну свою картину, у меня есть еще шедевры Левитана, Бакста, Шишкина, Серова, Айвазовского. Много кого...

– Впечатляет, нечего сказать, – отозвался Андрей, переходя словно в музей от картины к картине.

– Живопись – моя страсть. У меня и дома, в квартире на Никольской, тоже много картин, – улыбнулась Варвара. – Пойдемте лучше в мою мастерскую. Я покажу вам и собственные работы.

Виляя узкими бедрами, хозяйка вела Андрея по длинным коридорам, переходя от одного пассажа в другой. Помимо картин, в коридорах располагались старинные столики с жирандолями. Часть комнат была закрыта. Некоторые открыты настежь, и всюду присутствовало почти царское величие – от роскошных портьер, до старинной и дорогой мебели – все казалось Андрею почти сказочным. В одной из комнат он увидел Беккеровский рояль, отражавшийся чёрным лебедем в лаке паркета. Были здесь и комнаты, полные шкафов с книгами.

– Это библиотека моего брата, – мимоходом сообщила ему Варвара. – Помимо художественной литературы, он много читает книг по юриспруденции. А вот и его кабинет. Но он всегда его замыкает на ключ.

В одном из широких пассажей Андрей заметил шелковый диван, явно старинной работы.

– Скажите, Андрей Николаевич, а ваша жена красива? – внезапно спросила его Варвара, стараясь выглядеть безразличной.

– Да, многие находят ее вполне милой.

– А вы сами? – она делано рассмеялась.

– Ну, я бы, наверное, не женился на ней, если бы она мне не нравилась.

– А сколько ей лет?

– Она намного моложе меня. Ей двадцать.

– О, боже! Такая молодая? – глаза Бронш вновь сделались холодными. – И чем же она у вас занята?

– Она домохозяйка и воспитывает двух сыновей.

– Вот как? – Бронш присела на один из диванов и закинула ногу на ногу.

Возле располагался столик, на котором лежала книга в старинном переплете и золотистая коробка иностранных папирос. Как показалось Андрею, хозяйка чуть нервным движением тонких пальцев выудила папиросу и закурила.

– Двадцать лет, двое детей... *Mille pardon*, за мое любопытство, дорогой товарищ Кольцов, но при вашем интеллекте, о чем вы можете разговаривать с этой юной леди? Наверняка она еще очень глупа.

– А вы знаете, да... Бывает, что так. Приходится мириться с бабской глупостью. Глупа. Ваша правда. Но красива. А впрочем, вы знаете, она неплохо образована для своих лет. Она училась в Смольном и получила довольно приличное домашнее образование. Знает кучу сти-

хов, разбирается в поэзии и искусстве. Знает три языка. Но, вы ужасно правы – она таки глупа, как и всякая баба.

Бронш внимательно посмотрела на него и неожиданно рассмеялась.

– А вот теперь я просто сгораю от любопытства. Непременно приведите ее ко мне в следующий раз. Непременно. Ей здесь понравится. Воздух, озеро. Я еще свожу вас сегодня на озеро. А вечером танцы.

– Хорошо, я подумаю.

– Непременно возьмите ее с собой. Я просто настаиваю.

Она выпустила дым из тонких ноздрей и пристально посмотрела на Андрея.

– Можно я перейду на «ты»? И буду звать тебя просто Андреем? Андрюшей?

– Нет, нельзя, – делано насупился он, а после захохотал. – Господи, ну конечно. Хватит нам уже выкать.

– Да, пожалуй. И вот еще что. Сейчас, когда вы мне бегло рассказали о своей семье, мне показалось... Хотя, нет...

– Что вам показалось?

– Андрей, мы оба забываем, что перешли на «ты». Мы сейчас выпьем шампанского на брудершафт и уже вряд ли собьемся.

– Так что тебе показалось?

– Мне показалось, что ты немного, как бы это сказать, «домостроевец» что ли? Бьюсь об заклад, что дома ты себя ведешь как глава семьи, и тебя все слушаются. И дети и жена. Хотя, она еще очень молода, чтобы тебя не слушать. Это понятно.

– А разве должно быть иначе?

– Должно и можно. Сейчас, в новом обществе, у мужчины и женщины равные права. А вы знаете, что Лев Троцкий писал в письмах Ленину о том, что семья, как ячейка общества, давно себя изжила?

– Правда? – Андрей лукаво приподнял бровь. – А Ленин что же?

– А Ильич отвечал, что нужно не только разрушить семью как буржуазный пережиток, но и дать полную свободу пролетариату в плане нравов.

– О, даже так? – Андрей изобразил на лице неподдельный интерес.

– Да... А ты знаешь о том, что Инесса Арманд была возлюбленной Ильича?

– Нет, в первый раз слышу, – соврал Кольцов.

– Да, она была для него не просто любовницей. Она была для него любимой женщиной. Заметь, у Ильича была и законная супруга.

– Я понимаю.

– Крупская догадывалась об их любви, но терпела и молчала.

– Вполне разумное поведение для женщины, – кивнул Андрей.

– Ты так считаешь? А знаешь, Ленин много разговаривал с Инессой о женской эмансипации. Инесса стала настоящим борцом за права женщин. О половом равноправии говорили еще и до революции. Эти лозунги звучали не только из уст большевиков. Они были популярны и у меньшевиков и эсеров. Многие революционеры призывали освободить слабый пол от семейного рабства. А Коллонтай?

– А что Коллонтай? – оживился Андрей.

– Александра, а я, кстати, немного знакома с ней, всегда стояла за свободу любви. Она написала брошюру «Любовь и новая мораль». Я люблю иногда ее перечитывать. И главным лейтмотивом там идут слова о том, что «Половая мораль – это пустая фикция»!

– Вот как!

– Да. Александре даже приписывают довольно интересный подход к чувственной любви. Слышал ли ты что-нибудь о теории «стакана воды»?

– Нет.

– Эта теория довольно забавна. Коллонтай считает, что вся любовная чувственность должна быть сведена к этому принципу: к инстинктивной сексуальной потребности, которая должна находить удовлетворение безо всяких «условностей», так же просто, как утоление жажды. Заняться любовью просто, как выпить стакан воды.

– Забавно. Ты тоже так считаешь?

– Я? – она рассмеялась. – Ну, если бы я была ханжой, то, верно, ты вряд ли бы мог встретить меня в обществе «Долой стыд».

– Ну, о Коллонтай мне довольно уже вещали и у Радека, – Андрей зевнул и с наглым скучающим видом посмотрел на фламандский пейзаж в золоченой раме, украшающий голубую стену.

– Вы, верно, устали, Андрей, – она запнулась. – Я снова перехожу на «вы». Нет, нам определенно надо выпить на брудершафт. Идем в мою мастерскую.

Глава 3

Мастерская художницы располагалась в большой светлой комнате. Стены этой комнаты были окрашены в ярко-лиловый цвет, который удачно разбавляли белые монументальные пилястры с диковинными растительными капителями. Ровно половина этой комнаты была завалена холстами и подрамниками, тут же стояло несколько постаментов со скульптурными головами, явно античного исполнения. Банками с краской, кистями, складными мольбертами, ящиками, овальными палитрами, рулонами бумаги, свернутыми холстами, молотками и прочей художественной атрибутикой были заполнены два высоких шкафа. Посередине комнаты, как водится, находился мольберт с картиной, прикрытый белой простынею.

Другая половина комнаты приютила два роскошных дивана, стол, на котором валялись карнавальные маски, хлысты и даже шестиконечная плеть. На столе также возвышалась хрустальная ваза с фруктами и пара фужеров.

– Садитесь, Андрей. Сейчас мы с вами выпьем и уже постараемся никогда не сбиваться на «вы».

Она обошла один из диванов и достала из деревянного ящичка бутылку французского шампанского от Moet Chandon с черным бантом возле горлышка. А после Варвара протянула бутылку Андрею.

– Откройте, пожалуйста.

– Вы решили меня сегодня напоить до беспамятства? – пошутил он. – Я, на самом деле, довольно редко пью. Для моей работы нужна трезвая голова.

– Завтра выходной, весь этот легкий алкоголь тысячу раз успеет испариться, – улыбнулась Бронш. – От такого шампанского нельзя спиться, доктор Кольцов. Его пили во времена французских королей, еще с восемнадцатого века.

Андрей ловко откупорил бутылку. С легким шипением шампанское было разлито по бокалам. Бронш подседа очень близко к Андрею, и он вновь почувствовал головокружительный аромат "Ньют де Ноэль". Им пахли черные волосы женщины.

А после, перекрестив руки, Варвара Семеновна почти заставила нашего героя выпить с собой на брудершафт.

– Ну вот, теперь я полагаю, что мы с тобой не собьемся.

Рядом с Андреем мелькнули ее карие глаза. Теперь они казались Андрею почти загадочными.

«Черт побери, – думал он. – Если я с ней пересплю, то после не оберусь неприятностей. «Небожители» бывают коварны и весьма изобретательны на мелкие пакости. А все-таки, она удивительная женщина...»

Рука потянулась к Варваре. Андрей обнял ее и крепко поцеловал. Она ответила на поцелуй трепетом всего тела. А после тоже смело обняла его за шею и еще ближе притянула его голову. В этом движении было нечто царское, требовательное. Обычно именно он, вот так вот, притягивал за затылок женщин. Поцелуй оставил легкое послевкусие табака. И хоть аромат шампанского, леденцовый флер карминовой помады и "Ньют де Ноэль" перебивали запах папирос, однако Андрей ощутил его. Эта женщина была довольно жесткой на ощупь. Когда он ее обнимал, то не чувствовал под руками привычного тепла, мягкости и податливости – тех ощущений, которые ему были привычны. Бронш казалась суховатой, жилистой и спортивной. Синий крепдешин приятно щекотал ладони. Он вновь крепко поцеловал ее. Во время второго поцелуя его рука скользнула за ворот платья. Пальцы ощутили совсем небольшую грудь. Эта женщина была иной, нежели все те, которые нравились ему. И он пока не знал, как к этому относиться.

Она скосила глаза на ткань оттопыренных брюк возле паха.

«Может, поставить ее задом на этот диван и тут же выебать? – думал он. – А что будет потом? Она же не отвяжется от меня. А при ее власти. Зачем я поехал сюда?»

Эта женщина была похожа на трескучую молнию – слишком суха, слишком резка, слишком самоуверенна и властна.

Андрей замер, а член предательски опал.

Она посмотрела в его глаза.

– А ты хорошо целуешься. Но мы взрослые люди, и торопиться я вовсе не люблю. Я предпочла бы, чтобы ты за мной чуточку поухаживал.

Кольцов напряженно молчал. Она рассмеялась и отстранилась от него.

– Хочешь посмотреть мою новую картину? Я скоро ее закончу, – она встала с дивана, схватив со столика бокал с шампанским и вилля бедрами, подошла к мольберту.

Рука потянула белую простынь. Картина была написана маслом. Было видно, что над ней работал опытный художник – были соблюдены все академические приемы, и местами довольно искусно передана игра света и теней. Но, не смотря на это, Андрей довольно быстро убедился в том, что сие творение было абсолютно бездарно, а скорее даже пошло.

На картине была изображена сцена из Римской жизни. По замыслу художницы в центре экспозиции находился не кто иной, как сам Цезарь с золотым венком на голове, от которого шло свечение, подобное священному нимбу. Цезаря окружала многочисленная свита. Он восседал на роскошном троне, покрытом шкурой гепарда. Одежда, детали туалетов, весь антураж картины, и само небо над головами персонажей – все это было написано такими яркими красками, что напомнило Андрею ярмарочный лубок или персидский пестрый ковер. Все оттенки радуги были разбросаны по картине в некотором безвкусном хаосе и резали глаза. Но главное отвращение вызвало даже не это...

В образе Цезаря Андрей с легкостью узнал родного брата Варвары – Виктора Семеновича, седовласого оппушника во фраке, так сильно смахивающего на итальянского мафиози. И это было отвратительно... Андрея вдруг затошнило от этого образа и всего того пафоса, с каким был изображен сей господин. Хорошо еще, что она догадалась не изобразить своего людоеда в образе святого или Христа.

– Видишь, я очень люблю исторические темы, – щебетала Варвара, легко обнимая Андрея за талию.

– Вижу, – холоднее, чем того требовали приличия, отвечал он.

– Тебе нравится?

Он сухо кивнул:

– Весьма любопытно.

– А ты свои картины чем пишешь?

– Чаще акварелью.

– Ты мне их покажешь?

– Их не так много и они не в Москве, – соврал он.

– Да? А где?

– В Коктебеле, – назвал первое, что пришло на ум.

– Да? А ты был в Коктебеле? Ты знаешь Волошина?

– Знаю.

– Боже, как это здорово! Я все мечтаю съездить в Крым. Давно не была, – тараторила она. – Говорят, что Максимилиан божественно одарен? Это правда? Говорят, что к нему едут многие писатели, поэты, художники. Ты со многими знаком?

– Нет, не со многими.

– А вот и другие мои работы.

Она откидывала простыни, закрывающие картины, и вытаскивала холсты из наваленных рядов подрамников.

Андрей с унынием отмечал во всех работах Бронш ту же невозможную безвкусицу и откровенную пошлость. Часть картин носила откровенно эротический и даже порнографический характер.

– Я мечтаю открыть небольшую выставку, – сообщила она.

– Да, это хорошо, – заложив руки в карманы брюк, Андрей двигался по комнате, делая вид, что с интересом рассматривает живопись хозяйки.

«Зачем я сюда приехал? – вновь корил себя он. – А что я, собственно, хотел? Увидеть здесь Тициана?»

– Смотри, Андрюша, – ласково и чуть торжественно объявила она. – Я покажу тебе и свою главную гордость. Я писала по памяти Ильича.

– Лихо!

– Да...

Варвара выудила из шкафа небольшое полотно, написанное в ярко изумрудной и малиновой гамме.

– Понимаешь, все пишут вождя в каких-то серо коричневых тонах, а я решила его написать в образе восточного правителя. Он мудрый и властный. Я просто, как художник, видела его в тот момент именно таким.

Знакомый, вполне угадываемый персонаж был изображен на картине в восточном длиннополом кафтане из изумрудной парчи. Вокруг Ленина, склонив головы в поклоне, стояли чернокожие евнухи. На заднем фоне мелькали кипарисы и пальмы, а рядом, играя всеми цветами радуги, прохаживался павлин. И даже губы у Ленина были малинового цвета.

«Боже, какая гадость! – подумал Андрей. – Это под какими же парами вы все это вяжете, товарищ Бронш?»

И он угадал. Раскрасневшаяся Варвара Семеновна подошла к комоду и достала оттуда небольшую серебряную шкатулку.

– Андре, я не сильно тебя шокирую?

– Что ты! Все очень даже недурственно.

– Я иногда люблю себе «пудрить носик». Особенно, когда работаю, – тонкие пальцы открыли маленькую шкатулку, полную белого порошка. – У меня есть отличный «марафет» из Германии. Я хочу вместе с тобой. Давай попробуем. Она заложила кокаин в ноздри, а после протянула шкатулку Андрею. – Поверь, немного «сладкого» не повредит.

– Нет, здесь я пас, Варварушка Семеновна, – рассмеялся Андрей. – Душно тут у вас. Мне бы на воздух.

После того, как он увидел на ее пальцах кокаин, ему стало совсем тошно.

– Какой ты, Андрюша, чистый и правильный, – с легкой хрипотцой произнесла она. – Между прочим, на Цветном, недалеко от твоего дома, есть «кокаиновый домик». Еще один притон есть в Головине переулке, между Трубной и Сретенкой. Есть и в Домниковке, и в Проточном переулке. Сейчас с этим проще – везде можно купить.

– Я не посещаю подобные заведения.

– Ну, да. Ты же у нас глава семейства.

– Я, наверное, поеду.

Ее глаза теперь еще более походили на глаза Веры Холодной – темные круги на веках стали ярче, а зрачки лихорадочно расширились. Только в отличие от экранного кумира, эти глаза выражали собой не кротость и печаль, а нечто иное. Было в них что-то затаенное и почти демоническое.

– Поцелуй меня снова, – попросила она. – Или брезгуешь? Глупый, я не кокаинистка. Так, иногда балуюсь, чтобы поднять настроение. Или для вдохновения... А ты, значит, «марафет» не уважаешь? Жаль...

Андрей посмотрел на старинные ходики, висевшие недалеко от стеллажей с бумагой. Они показывали половину пятого.

– О, как быстро бежит время. Надо собираться. Пока доеду, совсем вечер будет.

– Никуда ты не поедешь, дорогой. Завтра воскресенье. Я не отпущу тебя. У нас еще будет сегодня множество сюрпризов. Целая культурная программа.

В этот момент они оба услышали в коридоре мужские шаги. Дверь в мастерскую распахнулась, и на пороге появился высокий молодой мужчина, почти юноша, очень привлекательной наружности. Русые волнистые волосы были зачесаны назад. Прямой нос, красивая форма губ, мужественные скулы и серые глаза – этого мужчину можно было даже назвать красавцем. И одет он был в элегантные летние брюки и модную тенниску. Такие тенниски носили английские спортсмены. Парень был широк в плечах и крепок. Андрей невольно залюбовался им.

– Познакомьтесь, Андрей Николаевич, это Феликс. Он мой друг. Он комсомолец. Правда, дорогой?

– Правда, *ma chérie*, – бесстрастно отвечал Феликс приятным баритоном. – Здравствуйте! – юноша подошел к Андрею, по-доброму улыбнулся и протянул руку.

Андрей ощутил крепкое рукопожатие.

– Рад знакомству.

– Взаимно.

А после пружинистой походкой юноша прошелся по мастерской – от порога до окна. Развернулся на каблуках летних туфель и подошел к Варваре. Его смелый и чуть смешливый взгляд скользнул по ее бледному лицу. Он приблизился к женщине и поцеловал ее руку. В это время его другая крупная ладонь ухватила ее маленький кулачок и вытащила шкатулку с кокаином. Бронш только успела махнуть рукою, подчинившись движению юноши. Шкатулка с кокаином была отправлена назад, в ящик комода.

– И ты туда же? – натянуто рассмеялась Бронш. – Ты тоже у меня «домостроевец», как доктор Кольцов?

Вместо ответа Феликс повернул красивую голову к Варваре и улыбнулся:

– Я голоден, *ma chérie*.

– Мы недавно отобедали. Сходи на кухню. Там рыба, икра, омары. Персики привезли. Покушай, дорогой. А я пока свожу нашего гостя к озеру.

– Варвара Семеновна, давайте в следующий раз? Уже шестой час...

– Андрей Николаевич, я могу и вправду обидеться, – сказала она, надув губы. – Мы же совсем недавно отобедали. Еще не собрались все мои гости. Ты не видел озера и прочих красот.

– И вправду, Андрей Николаевич, – с доброй улыбкой произнес Феликс. – Оставайтесь. Вечерами здесь бывает весело. Играют джаз. Вы любите джаз? Вечером будут танцы. Мы здесь веселимся до утра. А сегодня ожидается такая тихая, волшебная ночь. Вам понравится.

«И в правду, чего это я вновь корчу из себя монаха? Мне чуть за тридцать, а веду я себя, порой, словно старик. Это Светка во всем виновата. Замучила меня своей ревностью. Переживет. Ничего с ней не сделается, если я даже не приеду ночевать. Я же предупредил ее, что могу задержаться...»

– Можно я немного пройду с вами до озера? – произнес Феликс.

– Ты же сказал, что голоден. Иди лучше поешь, – рассмеялась художница.

– Успею.

* * *

Путь назад показался Андрею более быстрым. Промелькнули анфилады головокружительных переходов, стены, украшенные картинами, великолепный зал, полный художественных сокровищ. Феликс шел чуть впереди, легко двигаясь по глянцевой глади паркетных полов.

«А этот парень несомненно хорош, – думал Андрей. – От него исходит какая-то положительная сила. Вот такие люди – крепкие, молодые, раскрепощенные и добрые сердцем мне и нужны на островах. Надо будет поговорить с ним наедине. А вдруг это будущий кандидат в мою команду».

Миновали они и огромный холл первого этажа. На мгновение Андрею показалось, что Ленин на гигантском портрете подмигнул им хитрым глазом.

«Уж не схожу ли я тут с ума? – с усмешкой подумал Андрей. – Нет, верно, виной всему жара и немного вина. Я не привык пить вино».

Когда они втроем оказались на мраморных ступенях портика, в лицо ударил поток свежего воздуха, в котором были запахи берез, смоляной дух сосен и аромат полевых и садовых цветов.

«Какое же хорошее нынче лето!» – с радостью подумал Андрей.

Троица легко сбежала со ступеней. Красивой раскованной походкой, впереди всех двигался Феликс. Андрей успел отметить, что этот парень выше его на полголовы. Он шел уверенно, словно хозяин. Они миновали большую площадку возле усадьбы, прошли мимо цветочных клумб и палисадников с мальвами и розами, миновали флигель и несколько хозяйственных построек, а после Феликс вошел в рошу и вывел всех на хорошо утоптанную широкую тропинку. Варвара Семеновна все еще была на каблуках, а потому едва успевала за стремительным юношей.

– Феликс, куда ты спешишь? – пожурела она. – Мы же не скороходы.

Феликс остановился и улыбнулся такой белозубой, доброй и чуть застенчивой улыбкой, что Андрей вновь подумал о том, что он непременно бы взял этого парня с собой. «Я ему все расскажу, – думал он. – Такие как он и ему подобные, должны жить на моем острове. Я всех увезу из этой страны с ее стальными тетками, маузерами и картавыми вождями, в страну вечного лета и свободы».

Шли они минут десять, прежде чем услышали хохот, женский визг и плеск воды. Сосны расступились, и взору Кольцова предстало огромное озеро, отливающее синевой и уходящее береговой линией в невидимое за лесом пространство. Противоположный берег определялся с трудом. Его тоже венчала полоска по-весеннему свежего леса. Яркое солнце слепило глаза, отражаясь искрами на поверхности воды. Но внимание Андрея привлекло иное. Рядом с озером был устроен великолепный пляж, заставленный разноцветными английскими шезлонгами с яркими зонтиками. Были здесь и кресла. Вдалеке, меж сосен, висели гамаки, в которых явно кто-то спал, растекшись по жаре вялыми загорелыми телами. Чуть в стороне от пляжа располагалась деревянная веранда со столиками, застеленными крахмальными скатертями, и букетами цветов. Был и буфет с напитками, мороженым, легкими закусками и снующими официантами, одетыми, не смотря на жару, во фраки.

Скрипнула грампластинка, и из репродуктора потек лирический тенор Сергея Лемешева. Он пел Ариозо Ленского из «Евгения Онегина» – «Я люблю вас, Ольга...»

Здесь все было так ладно и красиво обустроено, что Андрею показалось, будто он внезапно очутился где-нибудь на пляже в Ницце.

– Феликс, хочешь, я прикажу поджарить тебе шашлык прямо здесь? – заботливо произнесла Бронш, обращаясь к своему юному другу.

– Спасибо, ma chérie. Я, пожалуй, искупнусь сначала. Жарко очень.

– Да, жарко, – кивнула Варвара, с улыбкой глядя на мужчин.

Они двинулись ближе к берегу. То, что увидел Андрей, потрясло его еще сильнее. Многие шезлонги и кресла были заняты молодыми обнаженными девушками и юношами – все они были красивы, словно на подбор.

«Возможно, это и есть участники гимнастического кружка, – подумал Андрей, – белые скульптуры, смывшие с себя остатки гипса. А может здесь не только они...»

Народу было довольно много. Завидев Варвару Семеновну и Феликса, многие из них приветливо закивали головами или послали воздушные поцелуи. Андрею вновь показалось, что из кондовой России он, словно по мановению волшебной палочки, перенесся в какую-то теплую, добрую и невероятно веселую страну, страну, где все красивы и обнажены. Не об этом ли он мечтал? Да, у Радека и «долойстыдовцев» тоже была весьма раскрепощенная обстановка, но от той обстановки веяло натуужностью, общественным вызовом и некой кургузой идейностью. От «долойстыдовцев» пахло потом, гуашью, газетами и легким страхом.

Здесь же, на берегу прекрасного озера, царила благодать, пахнувшая ненавязчивыми духами, леденцами, апельсинами, лимонадом, шоколадом, солнечными бликами, молодым здоровым счастьем и свободой.

«Вот оно! – подумал Андрей. – Вот как я хочу... Почти так и хочу, только без напомаженных официантов, буфетов и прочей атрибутики лакейства. Только свобода, только беспредметность и только красота природы».

Всюду слышался смех. У Андрея перехватило дыхание от такого совершенства форм. Обнаженные женщины были сложены, словно цирцеи или Афродиты, юноши весьма смахивали на греческих атлантов.

– Ну, как тебе, Андрюша? Нравится у меня? – услышал он голос Бронш.

– Да, очень.

– Ну вот, а ты хотел сбежать раньше времени. То-то еще будет вечером. Мы умеем отдыхать. Гости пока еще не съехались. Здесь отдыхает моя молодая гвардия. Каждого из них я лично подбирала в свою команду. Почти все они спортсмены, либо просто гимнасты. Я люблю красивые тела. Люблю окружать себя всем красивым. Многие из них позируют мне.

Бронш взяла его за руку и потянула ближе к берегу. Там стояли два пляжных парусиновых кресла.

– Иди, раздевайся, – небрежно сказала она. – Я хочу посмотреть на тебя голого. – Не тушуйся. Я же художник. Ты помнишь, я хотела писать твой портрет или жанровую сцену.

– Я помню, – ответил Андрей и присел в кресло. – Я разденусь чуть позже. А ты?

– Я сегодня не могу, – просто ответила она. – У меня эти дни... Я скоро оставлю вас с Феликсом. Мне надо переодеться и принять ванну.

Позади раздались мягкие шаги. Красивой походкой к воде шел обнаженный Феликс. Андрей в очередной раз восхитился атлетическим сложением этого парня. Он выглядел, словно молодой бог. А когда он помахал Варваре и Андрею рукой, наш герой успел увидеть у него между ног нечто такое, что несколько испортило его настроение.

«Наверняка он ее любовник, – тут же, с едва заметным раздражением подумал Андрей. – Нашла себе опытная самка отличного молодого жеребца. Интересно, сколько ему лет?»

И будто в ответ на его мысли он услышал рядом с собой голос Варвары:

– Ему чуть больше двадцати, – с гордостью отвечала она. – Он – ровесник вашей юной супруги. Правда, красивый мальчик? Он вдобавок неглуп, и нрав у него хороший. Добрый, славный мальчик. Он часто мне позирует. Это – лучший мой экспонат, – рассмеялась Бронш, словно ведьма.

На солнце тут же набежало легкое облачко, притушив все краски летнего дня.

Феликс разбежался и с шумом бросился в воду. Мощными движениями рук он поплыл на середину озера.

Как только Варвара напомнила Андрею о жене, он отчего-то сразу же представил ее здесь, на берегу, рядом с красавцем Феликсом. Голую. И представил ее шальной, полный женского любопытства, совершенно блядский взгляд – тот взгляд, который она вряд ли смогла бы скрыть, если бы увидела «конское хозяйство» молодого Феликса, а также его серые глаза, греческий профиль и белозубую улыбку. О, он слишком хорошо знал этот Светкин взгляд, взгляд в котором предавали бесы. Он знал, что при всей ее преданности и любви, с такой как она, надо

держат ухо остро. Знал и потому никогда не давал ей расслабиться. Этим взглядом она имеет право смотреть только на него. И более никого в этом мире. Только он имеет право быть ее господином. А тут молодые атлеты с загадочными именами.

«Нет, черт! Феликс не подходит для моей команды, – с неожиданной злостью подумал он и чуть не рассмеялся. – Надо, чтобы все мужчины были примерно одних так сказать... габаритов... примерно одной антропологии. Дабы не смущать прочих членов общины... Чёрт! О чем я только думаю? С чего мне ревновать Светку? Хотя... Он вспомнил о том, как она танцевала в Яру с юным кардиологом. Тогда он чуть не разорвал ее от ревности... Она еще и в возраст бабский не вошла. И будет у нас на острове не идиллия, а баталия».

Он встал из кресла и, нервно подбрасывая в руках мелкую гальку, подошел к воде.

– Андрей, я оставлю тебя, мне надо отойти, – улыбаясь, произнесла Бронш. – Сходи на веранду, попей лимонада. Или мне приказать, принести тебе прямо сюда?

– Нет, спасибо, – ответил Андрей. – Я сам, если что.

– Отдыхай и купайся до вечера. Вечером танцы.

Она махнула рукой и поспешила в сторону лесной тропинки.

Из репродуктора теперь звучала какая-то мексиканская музыка. Андрей еще раз огляделся и стал медленно раздеваться. Летняя пара была скинута и уложена на кресло. Он слышал девичий смех и плеск воды, но не позволял себе до времени присматриваться к юным прелестницам, заполонившим пляж. У него из головы не выходил Феликс. Этот русоволосый Аполлон стоял по пояс в воде и улыбался Андрею доброй улыбкой.

– Андрей Николаевич, – помахал он рукой. – Идите, вода хорошая.

Андрей улыбнулся в ответ и бросился в воду. Широкими движениями сильных рук он поплыл на середину озера. Вода и вправду была хороша. Чистая, в меру прохладная, она прекрасно освежала нагретое на солнце тело. Рядом с собой он слышал плеск мелких рыбешек, над головой со свистом носились стрижи, а с берега теперь лилась каватина Фауста в исполнении Козловского. Андрей лег на спину и, медленно перебирая ногами, смотрел на синее небо. Солнце уже клонилось к закату. С берега он вновь услышал женский смех и баритон Феликса.

– Андрей Николаевич, – крикнул ему юноша, – я пойду к усадьбе. Есть хочется ужасно. Чего-нибудь жидкого и горячего, – он вновь рассмеялся. – Супчика хочется. Не суча-аа-йте, я скоро вернусь!

– Иди уж, – неслышно буркнул Андрей, выпустив изо рта фонтанчик воды. – Не забудь только штаны надеть... Варварушкин Приап...

Андрей развернулся и поплыл дальше.

Спустя полчаса он уже сидел в парусиновом кресле, запахнувшись баннным полотенцем, которое ему любезно предоставил один из местных халдеев. Теперь он смог изображать из себя дремлющего человека, а на самом деле свободно следить за молодыми сочными девицами. Девушки играли на берегу в ручной мяч. Это были настоящие, крепкие телом красавицы, скорее спортсменки, но вовсе не тощие, а сбитые. И каждая из них была красива лицом. Андрей обратил внимание на то, что почти у всех девушек отсутствовали лобковые волосы, и то, что пряталось в устье ног, выглядело нежным и беззащитным. Не все формы лобков понравились ему. Но были из них несколько совершенно в его вкусе.

– Я точно одержим, – с досадой подумал он и опустил руку на область паха.

Даже полотенце с трудом скрывало впечатлительность его натуры.

Тут же, недалеко от девушек, прохаживались и юноши. Казалось, что им безразлична нагота играющих красавиц. Мимоходом Андрей заметил, что никто из этих юношей не отличался интимными габаритами Феликса. У Андрея даже немного поднялось настроение.

К нему снова подошел напوماженный официант во фраке и предложил апельсиновый и клубничный соки. Андрей взял оба и поставил на небольшой столик, расположенный возле

кресла. Как только официант удалился, Андрей с наслаждением потянул апельсиновый сок через буржуйскую соломинку.

«Красиво живут», – подумал он и закрыл глаза.

Он даже задремал, убаюканный какой-то тихой фортепьянной музыкой, несущейся из того же репродуктора. Громкий девичий визг и хохот заставили его вздрогнуть. Он выпрямился и сел. На пляже, возле воды, в одних длинных подштанниках, бегал пьяненький служитель Гигиены, новый директор Сандунов Кацман Арон Самуилович, и короткими волосатыми ручками пытался ухватить девушек за талии и бедра. Девушки хихикали и разбегались по сторонам.

Рядом с Андреем кто-то плюхнулся на соседнее кресло. Андрей повернул голову и увидел там жену волосатого сатира – Сару Яковлевну. Она, приставив руку козырьком, внимательно следила за шалостями незадачливого муженька. Сара была полностью одета и обута – видимо, ей были не по душе здешние натуралистические нравы. Ее лицо все так же казалось бледным, только глаза выдавали признаки недавнего плача. Она следила за совершенно безобразными выходками мужа и поминутно в досаде качала головой. Всем своим видом она напоминала сейчас мамашу или бонну, следящую за шаловливым дитем.

Андрею даже показалось забавным подобное сходство.

«Вот ведь, и это тоже ячейка общества. Семья... Да, на кой черт такая ячейка? Шла бы ты, Сара, гулять в горсад. Глядишь бы, нашла себе подружек по интересам, а может быть и более приличного господина, нежели твой беспутный банщик...»

– Арон, прекрати! – крикнула Сара супругу, когда тот попытался поднять на руки одну из девиц. – У тебя же радикулит. Поставь девушку на место.

Андрей не выдержал и хмыкнул.

– А вы зря ухмыляетесь, товарищ хирург, – неожиданно зло возразила Сара. – Думаете, что знакомство с Бронш принесет вам счастье? Ошибаетесь. Она – коварная змея. Обовьет вас сладкими речами, а после проглотит и не подавится.

А после Сара оглянулась, не слышит ли их кто-нибудь и, приблизив лицо к Андрею, продолжила:

– И братец ее родной – тоже известный упырь. Люди из его кабинетов уже редко возвращаются домой. И еще – я слышала там, на лестнице, как она вам щебетала про всяких художников и писателей, которые якобы так часто бывают у нее.

– Ну и?

– А то, что врет она все. И Брики с Маяковским здесь не были никогда. Знает Лиля, что Варвара еще та штучка. Знает и сторонится ее. А картины все скуплены за бесценок в Гражданскую. Никто их ей не дарил. Так по мелочи кто. Безызвестные авторы. Она больше строит из себя светскую львицу. Фу, паучиха. Ненавижу ее! – в голосе Сары вновь зазвенели плаксивые ноты. – Она и Арончика моего с пути сбילה. Наговорила ему речей бесстыжих – дескать, семья – это пережиток буржуазный. Вот он и повадился сюда таскаться. Бегаёт за девицами – смотреть тошно. Здесь не дача наркомовская, а Вертеп. И в подвале у нее, говорят, есть место, где она оргии устраивает.

– А мне сказали, что в подвале людей пытаются, – вдруг шепотом, сделав заговорщические глаза, ляпнул Кольцов, едва удержав себя от смеха.

– Да, а может и так. Они с братцем только на это и годны.

Она поднялась во весь рост:

– Арон! – вдруг громче обычного крикнула она. – Мы едем домой!

– Ну, Сара, еще же танцы... – пьяным голосом ответил супруг, валяющийся в песке.

Правая его рука удерживала за щиколотку симпатичную блондинку. Блондинка хохотала и, наклонившись, пыталась пальцами отодрать загребушую ручонку местного сатира.

– Ароша, – жалостливо отозвалась Сара. – Ты весь в песке. На подштанниках пуговицы оторвались. Поехали, а?

Андрей уже не слушал их. Он поднялся с кресла и пошел вдоль берега. Ему хотелось поближе рассмотреть местные красоты. Озеро и в правду было огромным и красивым. Он долго шел вдоль берега, оставив позади шумный пляж с обнаженными спортсменами, пока не уперся в плотную стену из камыша и высокой осоки. Глаза наткнулись на серый валун. Андрей присел на него и посмотрел на заходящее солнце.

«Как давно я не играл на флейте, – с грустью подумал он. – Когда-то я сидел также, среди камышей, играл, и ко мне подошла Ирма».

Он живо вспомнил все детали той памятной встречи. И даже захотел предаться легкой ностальгии, но это отчего-то не получилось. Воспоминания не принесли ему ровно никаких эмоций. Что со мной? Я загрубел? Одеревенел? Почему мое сердце не чувствует привычной тоски? Ирма? Где теперь она? Да, и какая разница где? Черт, как скучно-то. Надо было ехать домой. Кольцов, ну до чего ты докатился? Здесь столько молодых красивых баб, и, возможно, вечер обещает быть интересным. Он на минуту представил, как его руки коснутся талий совсем незнакомых юных див.

«Да, ладно, я, пожалуй, останусь, – с волнением подумал он. – В моем возрасте не интересоваться молодыми красотками – стыдно. Ничего, переночую тут. Завтра воскресенье. Дома отосплюсь. Да и Светку я предупредил. Ничего с ней не делается. Пусть поскучает...»

Он еще довольно долго бродил в одиночестве вдоль берега, тоскуя по флейте. Дома он играл иногда, и даже, благодаря толстым стенам, не был за это судим соседями. Но, дома было не то. Играть надо на природе, понимал он.

Когда Андрей возвращался назад, начинало темнеть. Солнце все больше склонялось к горизонту, красным пятном растекаясь над кромкой леса. Он взял немного вправо и очутился не на пляже, а на огромной танцевальной площадке, со всех сторон окруженной электрическими фонарями. Площадка венчалась довольно большой крытой сценой, на которой разминались музыканты. Судя по инструментам и фракам, это был какой-то джазовый оркестр. Очень похожий на тот, который играл тогда в Яру. Музыканты репетировали вразнобой, настраивая трубы, саксофоны, фаготы, контрабасы, ударные и фортепьяно. Послышались даже оригинальные звуки банджо.

С двух сторон от площадки находились столики, застеленные белыми скатертями и украшенные цветам. Все это весьма смахивало на ресторан под открытым небом. Чуть поодаль располагались удобные лавки. Во всем ощущалось приготовление к приятному банкету. К озерным и еловым запахам добавились ароматы шампанского, апельсинов, дамских духов и еще чего-то нового и удивительно праздничного. Бесшумно двигались глянцево-официанты, разнося серебряные ведерки с колотым льдом и подносы с фужерами.

На площадку стекалась разряженная публика – дамы в дорогих туалетах и мужчины во фраках или смокингах. По-видимому, это и были гости, о которых говорила Бронш. В компании двух джентльменов Андрей заметил корпулентную Розалию Платоновну в своем блестящем розовом платье и диадемой на светлых волосах. Ее вели под руки два джентльмена приятной наружности. Из низкого декольте сверкали аппетитные груди блондинки. На одной из лавок спал рыжий Ромочка Худейкин, художник-символист. Когда он вновь успел выпить, подумал Андрей. Где-то в толпе мелькнула кожаной тужуркой Валентина Петровна Кривошеина – командирша в юбке. Брюнет Луи из Мадрида что-то оживленно рассказывал другому джентльмену. Но было много и вовсе незнакомых лиц.

Андрей неожиданно понял, что стоит в темном лесу, в обнаженном виде, и любуется на все со стороны. Из ельника потянуло сыростью, его охватил легкий озноб.

«Полно, а где моя одежда? – подумал он. – Она же так и осталась на пляже».

Он свернул в сторону и, ориентируясь на столб с репродуктором и полоску воды, едва проступающую сквозь гущу леса, быстрым шагом двинулся в поисках пляжа. Не прошло и десяти минут, как он вышел к озеру.

Вокруг стремительно темнело. Но возле буфетной стойки, кафе и самой воды зажглись электрические фонари, перевитые множеством разноцветных лампочек. Это было потрясающе красиво. Из леса уже слышались звуки джазового оркестра. Играли какой-то тонкий и удивительно прекрасный, вибрирующий низами, заморский фокстрот.

Теперь пляж был почти пуст. На одном из шезлонгов он узнал знакомую фигуру. Недалеко от воды сидела сама Варвара Семеновна и курила длинную пахитоску, заправленную в тонкий мундштук. Только в этот раз она была одета в темное вечернее платье, сверкающее издали черными опалами. На глянцевых волосах красовалась алмазная диадема с небольшим, но изящным пером. Женщина смотрела на спокойную гладь воды, подсвеченную радужными гирляндами.

Андрей тихо подошел сзади. Она обернулась.

– Андрей Николаевич, ты решил стать Робинзоном в моих лесах?

Андрей усмехнулся. Теперь, в темноте и гуще озерной прохлады, он почувствовал себя неловко в обнаженном виде, стоя перед дамой, одетой в такой роскошный вечерний туалет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.